

ДЬЯВОЛ ПРОТИВ КАРДИНАЛА

ЕКАТЕРИНА
ГЛАГОЛЕВА

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Исторические приключения (Вече)

Екатерина Глаголева

Дьявол против кардинала

«ВЕЧЕ»

2007

Глаголева Е.

Дьявол против кардинала / Е. Глаголева — «ВЕЧЕ»,
2007 — (Исторические приключения (Вече))

ISBN 978-5-4484-8135-2

Действие романа охватывает период с 1617 по 1643 год и основано на подлинных событиях. Всесильный временщик Кончино Кончини убит во дворе Лувра заговорщиками с ведома юного короля Людовика XIII, который наконец-то обретает всю полноту власти. Епископу Люсонскому предстоит пройти трудный путь, чтобы превратиться в великого кардинала Ришелье, а Мари де Роган, став герцогиней де Шеврез, будет плести против него заговоры, заслужив от короля прозвище Дьявол.

ISBN 978-5-4484-8135-2

© Глаголева Е., 2007

© ВЕЧЕ, 2007

Содержание

Часть первая	6
Глава 1. Быстрая смена декораций	6
Глава 2. Лукавый ангел	14
Глава 3. Счастливы обладающие	19
Глава 4. Королева-беглянка	25
Глава 5. Примирение	29
Глава 6. Новые тревоги	38
Глава 7. Война	42
Глава 8. В любви и на войне	46
Часть вторая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Екатерина Глаголева
Дьявол против кардинала
: роман /. – М.: , 2007. – 448 с. – ().

© Глаголева Е., 2007

© ООО «Издательство «Вече», 2007

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Часть первая Епископ Люсонский

Глава 1. Быстрая смена декораций

Часы Сен-Жермен-л'Осеруа мелодично пробили десять. Издали донесся звон колоколов собора Парижской Богоматери. Капитан королевских мушкетеров барон де Витри выругался и с досады ударил кулаком в стену. С пяти утра, расставив всех по своим местам, он нервно мерил шагами зал охраны, время от времени поглядывая сквозь раскрытую дверь на внутренние ворота Лувра – что там происходит? Но не происходило ровным счетом ничего. С десятков гвардейцев переминались с ноги на ногу, выстроившись по обе стороны от узкой двери рядом с воротами; брат де Витри, дю Алье, время от времени подходил к ней и заглядывал в окошечко, но, вероятно, с той стороны ему давали понять, что пока все тихо, и дю Алье разочарованно возвращался к гвардейцам. Яркое апрельское солнце, высоко поднявшееся в ясном небе, уже начинало припекать; из-за крепостных стен доносился шум проснувшегося города. Неужели и сегодня сорвется? Дело нешуточное, надо что-то решать. Или все отменяется, или...

Вдруг дю Алье что-то взволнованно скомандовал гвардейцам, те сгрудились у ворот, а один, придерживая рукой шляпу, побежал к кордегардии¹. Де Витри уже шел ему навстречу.

– Идет, идет! – прокричал солдат на бегу.

Де Витри, закинув полу плаща на плечо и крепко сжимая свой капитанский жезл, быстро зашагал к воротам. Пять мушкетеров устремились за ним.

По ту сторону крепостного рва, с улицы Отриш, к Лувру неспешно шел немолодой уже человек, читая на ходу письмо. Одет он был в темные штаны и камзол дорогого сукна, в пряжках на шляпе и туфлях посверкивали драгоценные камни. Позади, на некотором отдалении, за ним следовало с полсотни дворян, запрудивших всю узкую улочку. Они весело перебрасывались шутками, то и дело вся компания взрывалась хохотом. Человек с письмом прошел в Бурбонские ворота меж двух угрюмых массивных башен, простучал башмаками по деревянному настилу и ступил на подъемный мост. За ним, наклоня голову, в ворота стали гуськом проходить свитские², но едва шедший впереди оказался на подъемном мосту, как командир привратной стражи подал условный знак, и солдаты закрыли ворота на засов.

Тем временем де Витри уже тоже был на подъемном мосту и сгоряча пробежал почти до ворот.

– Где маршал? – удивленно спросил он у свитских, не видя того, кого искал.

– Да вон же, позади вас, – указал один из них, негромко хохотнув.

Де Витри развернулся, подскочил к человеку с письмом и схватил его за руку.

– Именем короля вы арестованы! – отчеканил он.

– Я? – Человек удивленно отступил назад, растерянно оглянулся и положил ладонь на эфес шпаги. В ту же минуту де Витри взмахнул рукой, и со стороны его спутников грянули пять выстрелов. Пули попали маршалу в голову и в шею. Он бессильно рухнул на колени, привалившись спиной к парапету.

– Измена! – слабо вскрикнул один из людей, очутившихся в мышеловке. Кто-то попытался было выхватить шпагу, но подоспевшие гвардейцы тут же всех арестовали и отвели

¹ Кордегардия – помещение для военного караула.

² Свитский – входящий в свиту, сопровождавшую какое-либо официальное лицо.

в караульную. Другие солдаты яростно набросились на труп, нанося уже ненужные удары, сорвали с него одежду, поделив между собой дорогие украшения.

Приставив часового охранять тело, де Витри снова вышел во внутренний двор. К нему бросились все, кто изнывал тут с раннего утра в тоске и тревоге; каждый хотел его обнять, хлопнуть по плечу, грубовато выразить свою радость и облегчение. «Пошлите кого-нибудь сказать королю!» – крикнул де Витри, отбиваясь от неуклюжих объятий.

В просторном зале на втором этаже дворца у окна стоял юноша лет шестнадцати и барабанил пальцами по стеклу. У его не лишнего приятности, еще по-детски нежного лица, обрамленного темными вьющимися волосами, было то отсутствующее, застывшее выражение, какое накладывает длительное ожидание. Позади, у бильярдного стола с недоигранной партией, томились два человека. Один, рослый красавец с большим выпуклым лбом, был бледен и имел нездоровый вид. Чувствовалось, что он провел бессонную ночь и теперь ноги отказывались его держать. Другой, худощавый, невысокого роста, держался спокойно, всем своим видом выражая готовность идти до конца.

При звуке выстрелов юноша вздрогнул, словно очнувшись от забытья, оглянулся на двух своих товарищей, затем прижался лбом к стеклу, пытаясь разглядеть, что творится во дворе.

– Что там происходит? Н-ничего н-нельзя понять, – с досадой сказал он, слегка заикаясь.

За дверью слышались поспешные шаги, постучали. Юноша кивнул, и стоявший у косяка гвардеец открыл дверь. Показался перепуганный лакей:

– Ваше величество, маршал д'Анкр идет сюда! Его люди тоже, по главной лестнице!

– Ну что ж! – Король воспринял новость спокойно. – Деклюзо, принеси-ка мне подарок Витри!

Гвардеец поклонился и пошел в оружейную за карабином. Людовик стремительным шагом направился в прихожую, на ходу вынимая из ножен шпагу, но по лестнице ему навстречу уже бежал сияющий д'Орнано, полковник корсиканцев:

– Сир, готово! – воскликнул он и только тут поспешно сорвал с себя шляпу. Король остановился, взглянул на него в нерешительности, но тут по лестнице затопали сапоги, и запыхавшийся гвардеец возвестил:

– Ваше величество, Кончини убит!

Внизу уже гудела толпа, во двор высыпала охрана, а также рота швейцарцев.

– Что случилось? Кто стрелял? В короля стреляли? Да нет, Кончини убит!

Людовик шагнул к высокому окну, резким движением распахнул его и вскочил на подоконник. Сзади его поддерживали д'Орнано и подоспевший де Люинь – тот самый статный красавец, на щеки которого теперь вернулся румянец. При появлении короля толпа солдат, сгрудившаяся в узком дворе перед дворцом, взорвалась приветственными криками, в воздух полетели шляпы, множество рук восторженно размахивали клинками, вспыхивавшими на солнце. Сквозь этот гвалт едва пробивался срывающийся голос венценосного мальчика: «Спасибо, спасибо вам! С этого часа я – король!»

Лувр напоминал растревоженный улей. По коридорам куда-то бежали солдаты, слуги, кутерьма поднялась необыкновенная.

Королева-мать сидела за туалетным столиком и расчесывала волосы. Она была в ночной сорочке, неприбранная, отчего казалась еще более грузной и оплывшей. В спальню влетела горничная Катрин и крикнула с порога:

– Ваше величество, Кончини убит!

– Как? Что? – Королева вскочила с кресла и пошла было куда-то, но вдруг остановилась как вкопанная. – Так вот что значили эти советы! – произнесла она так, словно ее настигло озарение.

Катрин подошла к окну и отворила одну створку. В комнату донесся шум и крики: «Да здоровствует король!»

Людовик сияющими глазами смотрел на Люиня.

– Семь лет я был лишен власти, которая принадлежала мне по праву! – горячо говорил он. – Я бы принимал советы от человека, умудренного опытом и прославившегося своими делами, но сносить произвол безродного выскочки, вершившего суд, не зная законов, ставшего маршалом, не понюхав пороку, лишь потому, что они с женой опутали своими сетями мою мать, – какое унижение! Но теперь я король! Замуровать вход со стороны улицы Отриш, – повелительно приказал он через плечо, – довольно я терпел, что этот итальянский проходивец являлся в королевский дворец, как к себе домой! Да, Деажан, – обратился он ко второму своему партнеру по утренней партии в бильярд, – распорядитесь, чтобы послали за старыми соратниками моего отца и прежними членами совета. Я хочу управлять с их помощью.

– Прикажете известить королеву? – негромко сказал де Люинь, наклонившись к Людовику.

– Королеву? – Карие глаза юноши словно еще потемнели.

– Вашу супругу, – поспешно уточнил де Люинь.

– А, да... После. Где Витри?

– Я здесь, ваше величество!

– Замените охрану королевы-матери вашими людьми. Велите разрушить мост, ведущий из ее апартаментов в сад на берегу реки. И передайте моему брату Гастону и сестрам, что я запрещаю им, впредь до новых распоряжений, видаться с нашей матерью.

Шел двенадцатый час, новость уже распространилась по всему дворцу: на утро была объявлена королевская охота, и почти весь двор был налицо. Юная королева Анна Австрийская, ровесница своего мужа, не покидала своих покоев, не зная, что ей делать. Спросить совета было не у кого, даже поговорить по душам – и то не с кем. Весть о перевороте ей принесла камеристка-испанка, муж которой был камердинером короля. Что несет ей эта перемена? Неужели она теперь станет настоящей монархиней, способной влиять на судьбы мира и выполнить миссию, которой облек ее отец, провожая на чужбину? Неужели пришел конец владычеству све-крови? Анна бросилась к столу и принялась писать письмо отцу, испанскому королю, чувствуя, что лишь с ним может поделиться переполнявшими ее чувствами.

А в покоях Марии Медичи уже собрались ее подруги – герцогиня де Гиз, принцесса де Конти и статс-дама госпожа де Гершвиль. В передней понуро сидели советники Манго и Барбен.

– Я царствовала семь лет, а теперь жду только венца небесного! – прошептала Мария по-итальянски. Она опустилась на колени перед распятием, но молитва на ум не шла. Снова принялась быстрыми шагами ходить по комнате, нервно хлопая в ладоши. Зрелище, которое являла собой растрепанная, полуодетая королева-мать, мечущаяся из угла в угол, было до того тягостным, что нарушить молчание не решался никто.

В двери робко заглянул дворецкий. Кашлянул в кулак, потоптался на месте, но, видя, что его не замечают, решился:

– Ваше величество, а как же мне сообщить о случившемся госпоже Леоноре? Вдове, так сказать...

– Что, у меня, по-вашему, других забот нет? – как тигрица, набросилась на него Мария. – Не можете ей сказать, так спойте! И вообще, не говорите мне больше об этих людях! Им уже давно было пора убраться в Италию!..

Дворецкий поспешно удалился.

– Ну где же этот Бресье? – ломала руки королева.

В двери снова постучали, и в них протиснулся Бресье – паж королевы-матери. Он так и остался стоять у порога, уставив глаза в пол.

– Ну что, что, говори! – прикрикнула на него Мария. – Что сказал король?

– То же, что и в те два раза, – пролепетал Бресье. – Что сейчас ему недосуг, а примет он вас, когда будет время. А еще сказал, – продолжал паж упавшим голосом, – что если вы меня снова к нему пришлете, то он отправит меня в такое место, откуда я выйду, только когда ему будет угодно...

– О Дио! – простонала королева. – Принцесса, ступайте вы к королю!

– Я?! – ужаснулась принцесса де Конти. – Да ведь я не одета... И вообще... По-моему, лучше обратиться к Люиню...

– Ах, этот Люинь, – поморщилась Мария. – Ну ладно, ступайте к нему...

Принцесса де Конти поскорее ушла, пока упрямой королеве не втемяшилось в голову что-нибудь еще. Но та никогда не сдавалась легко.

– Голубушка, – обратилась она к госпоже де Гершвиль. – На вас вся надежда. Подите к королю, бросьтесь ему в ноги, просите за меня, я должна, должна его видеть!

Статс-дама направилась к двери, которая распахнулась перед ней в фиолетовом взмахе епископской мантии.

– Люсон! – устремилась королева к вновь прибывшему. – Ну, что теперь? Монастырь?

Епископ Люсонский окинул комнату взглядом своих серых пронизательных глаз, от которых не могла укрыться ни одна мелочь, и подошел к столу. Он был взволнован, но искусно скрывал свою тревогу.

– Я был у ректора Сорбонны и, услышав новость, сразу приехал сюда, – сообщил он. – У ваших дверей шотландские стрелки, меня не хотели пускать...

– Все кончено, – отчетливо произнесла Мария, глядя в пустоту. – Мой сын... Однажды мой покойный супруг хотел его выпороть, я вступилась, и он мне сказал: «Молите Бога, сударыня, чтобы я жил подольше. Не станет меня – он сурово с вами обойдется». О Генрих, как ты был прав! Всего в шестнадцать лет...

– Но... как же... мы? – наконец решился подать голос Манго.

– Не знаю! – снова резко выкрикнула королева. – Барбена я еще постараюсь спасти, а вас...

– Позвольте мне пойти к королю! – вмешался епископ Люсонский. – Не сомневаясь в христианских добродетелях его величества...

– Ступайте! – В глазах Марии снова загорелась надежда. – Конечно, не медлите!

Король в сопровождении свиты быстрым шагом шел по коридору. Из-за угла выскочила поджидавшая его госпожа де Гершвиль и бросилась на колени:

– Ваше величество, взываю к вашим сыновним чувствам!

– Встаньте, сударыня! – велел ей Людовик. Природная вспыльчивость боролась в нем со смущением и множеством других нахлынувших чувств, из-за чего он заикался чуть сильнее обычного. – Королева – моя мать, но я – король, – сказал он, не глядя на статс-даму. – Ранее она не относилась ко мне как к сыну, я же тем не менее всегда буду относиться к ней как к матери. А теперь ступайте, у меня срочные дела.

Де Гершвиль удалилась, пятясь и кланяясь.

Малая галерея Лувра была заполнена придворными. Вошедшего короля чуть не раздавили. Дюжие гвардейцы подняли его на руки и поставили на бильярдный стол, к которому кое-как протиснулись де Люинь, Деажан и прочие приближенные. Стоя на столе, Людовик упивался зрелищем людского моря, бушевавшего вокруг него, и на лице его был одновременно детский восторг и жестокое выражение охотника, настигшего свою добычу. В месиво из коричневого, красного, желтого и золотого вклинилось лиловое пятно, медленно и трудно продвигавшееся к краю бильярда.

– А, Люсон! – закричал Людовик, глядя сверху на воздетое к нему лицо епископа. – Наконец-то я избавился от вашей тирании! Убирайтесь отсюда!

Лиловое пятно оттерли в сторону, но оно все-таки кружным путем обогнуло воронку водоворота и прибилося к черному островку Люиня. В общем шуме нельзя было расслышать, что говорил опальный государственный секретарь фавориту короля, однако последний выслушал его со вниманием и участием и как будто благосклонно кивнул головой.

Испанский посол Монтелеоне поднимался по лестнице, ведущей в апартаменты королевы-матери. Вход, которым он обычно пользовался, оказался заколоченным, что вызвало у посла некоторое недоумение. Оно еще усилилось от непривычной тишины и сурового вида стражи на лестничных площадках.

– Куда это вы направляетесь, сударь? – раздался чей-то голос позади.

Монтелеоне обернулся и увидел капитана де Витри.

– К госпоже регентше, по делу, – ответил несколько сбитый с толку посол. Он не понимал, почему должен отчитываться непонятно перед кем, однако опыт побуждал его к осторожности.

– Теперь вам не сюда, обращайтесь к королю.

Де Витри обогнал Монтелеоне, загородив ему вход в королевские покои, и слегка насмешливо поклонился. Когда оскорбленный в душе испанец удалился, капитан без стука вошел в переднюю.

– Что вам угодно? – воскликнула Мария Медичи, завидев бесцеремонного мушкетера.

– По приказу его величества я проведу в вашей комнате обыск.

– Обыск? – Королева упала в кресло. – Так, значит, я в тюрьме?

Издалека долетал глухой стук: рабочие ломали мост через ров. В карете с задернутыми занавесками везли двух арестантов – Манго и Барбена. В церкви Сен-Жермен-л’Осеруа наскоро закапывали изуродованный труп Кончини, а его супругу допрашивали в Бастилии. Так закончился знаменательный день 24 апреля 1617 года.

Всю следующую неделю епископ Люсонский, Арман Жан дю Плесси де Ришелье, провел словно в тумане. Удар был тяжел, и он все еще не мог опомниться. Столько лет, ступенька за ступенькой, смиряя гордыню, заставляя слабое тело повиноваться сильной воле, он выстраивал лестницу, которая должна была привести его наверх, и вот теперь оказалось, что он приставил ее не с той стороны: мальчик, которого никто не воспринимал всерьез, отбросил ее одним пинком! А между тем ему уже тридцать два года – не тот возраст, чтобы начинать все сначала, да еще не просто подниматься на ноги, а выбираться из ямы! Конечно, новому государственному секретарю Вильруа (одному из сподвижников покойного короля Генриха) уже семьдесят пять, но у Ришелье не столь крепкое здоровье, чтобы строить планы на чересчур отдаленное будущее. С какой язвительной улыбкой Вильруа, занявший его место во главе совета, поинтересовался, в каком звании и в каком качестве он намерен присутствовать на заседании! Ришелье тогда молча извлек из сафьянового портфеля бумаги, передал их Вильруа и медленно, с достоинством удалился. С достоинством! О каком достоинстве может идти речь, если нужно унижаться, заискивать перед этим Люином, который старше его на семь лет, но до сих пор отличился лишь тем, что обучал для короля сорокопутов да ездил с ним на охоту! Знать бы, что из всех познаний и умений, которые епископ приобрел в юные годы, самым ценным, судя по всему, является искусство верховой езды, ведь у него с королем был один наставник – знаменитый Плювинель...

Но нет, благоволение монархов столь же переменчиво, как апрельское солнце: с утра припекает, а к полудню, глядишь, и скрылось, а пронизывающий ветер пробирает до костей. Уж насколько уверенно чувствовал себя Кончини, даже осмеливался в совете занимать место короля, – и где он теперь? На следующий же день после расправы над ним парижская чернь ворвалась в церковь, выкопала из земли его останки и учинила свою расправу: поволокла на

Новый мост, подвесила за ноги на им же установленную виселицу, развела костер и устроила вокруг дикую, жестокую пляску. Как страшен бывает французский народ в своей жажде справедливости, когда для выражения любви к одному разрывает на части другого! Карета епископа Люсонского въехала на Новый мост и остановилась; лошади храпели и пятились назад, а вокруг были эти налитые кровью глаза, разверстые рты, издававшие немолчный вопль, похожий на вой стаи шакалов. Взгляды стоявших поблизости обратились на Ришелье, на его епископскую мантию, и, не дав времени оформиться тяжелой, неповоротливой мысли, он высунулся из кареты и закричал во все горло: «Да здравствует король!», велел кричать то же кучерам и лакеям на запятках. Карету пропустили...

Теперь он скоро уедет из Парижа. Последует в изгнание за королевой-матерью. Он сам был посредником в ее переговорах с державным сыном; по крайней мере, итальянская гусыня убеждена, что именно благодаря ему Людовик принял ее условия: быть полновластной хозяйкой в своей новой резиденции, сохранить все свои доходы, увидеться с королем перед отъездом. Не покинув развенчанную королеву, Ришелье выказал благородство: с тонущего корабля бегут только крысы. Но, с другой стороны, этот корабль всегда плыл по течению, думая, что идет собственным курсом, и если поставить у руля умелого лоцмана... Король уступил Люиню и Деажану и утвердил Ришелье главой совета королевы-матери. А это значит, что она не делает и шагу, не посоветовавшись с ним. Вполне вероятно, что королю будет интересно знать, в какую сторону намерена шагать его матушка. Только не торопиться, не забежать вперед! Он оказался заброшен в болото и вынужден двигаться ощупью. Снова оступиться – подобно смерти. Терпение и осторожность, терпение...

Третьего мая, в канун светлого праздника Вознесения Господня, вокруг Лувра толпился народ. Пришли пораньше, чтобы не пропустить развлечения – посмотреть на отъезд итальянки. В самом дворце столпотворения постарались избежать. В урочный час король, в белом камзоле и красных штанах, в черной шляпе с белыми перьями, вышел из покоев Анны Австрийской и через малую галерею направился к апартаментам своей матери. Он шел решительно, своей легкой, стремительной походкой, так что девятилетний Гастон, герцог Анжуйский, едва поспевал за старшим братом. В тишине были слышны лишь стук каблуков и звяканье шпор на королевских сапогах. Позади шли герцог де Шеврез, Люинь и Бассомпьер.

Войдя в переднюю королевы, Людовик снял шляпу и принял позу ожидания, храня на лице бесстрашное и бесстрастное выражение. Вполне возможно, что он волновался: речь, которую ему предстояло сейчас произнести, была составлена в совете тщательнейшим образом, он выучил ее назубок, чтобы не оконфузиться, – опасался своего несчастного заикания.

В комнату один за другим вошли еще около двух десятков придворных. Перед каждым из них стражи-шотландцы скрещивали копыя и пропускали, лишь услышав шепотом произнесенный пароль: «Святой Людовик».

Наконец появилась Мария Медичи в глухом черном платье и черном же вдовьем чепце с белой оборкой. Глаза ее опухли и покраснели от слез, нижнюю часть лица она прикрывала веером, в другой руке комкала платок. Людовик шагнул к ней и заговорил:

– Сударыня, я пришел попрощаться с вами и заверить, что всегда буду заботиться о вас, как подобает доброму сыну. Я хочу избавить вас от груза забот, который вы взяли на себя, выполняя мои обязанности; пора вам отдохнуть, теперь я займусь ими сам и не потерплю, чтобы кто-то, кроме меня, распоряжался делами моего королевства. Теперь я король. Я отдал необходимые распоряжения в отношении вашего путешествия. Вы получите известия обо мне по прибытии в Блуа. Прощайте же, сударыня, любите меня, и я буду вам добрым сыном.

– Сударь, – отвечала Мария прерывающимся голосом, дрожащим от сдерживаемых слез, – меня печалит, что я не сумела во время своего регентства управлять вашим государством по вашей воле и к вашей выгоде. Уверяю вас, однако, что я не жалела для этого сил и трудов, и молю всегда считать меня вашей покорной матерью и слугой.

На этом королева не выдержала и расплакалась, закрывшись веером и платком. Король не двигался с места и не пытался ее утешить. Церемония прощания подходила к концу: еще только поклон и последний поцелуй, и с ритуалом будет покончено. Но вдруг Мария вышла за рамки затверженной роли.

– Ваше величество, верните мне Барбена, – тихо попросила она, всхлипывая.

Король был озадачен и ничего не ответил.

– Прошу вас, не откажите мне в последней просьбе, – настаивала мать, заглядывая ему в глаза. Но король смотрел на нее все так же молча, не изменившись в лице.

– Ну что ж. – Мария прерывисто вздохнула, присела в реверансе, потом подошла к сыну и поцеловала его в щеку. Людовик склонился перед ней в поклоне, махнув шляпой, развернулся на каблучках и пошел к двери.

К королеве приблизился Люинь и низко поклонился.

– Господин Луинь, – вдруг сказала ему королева (за годы жизни во Франции она так и не избавилась от итальянского акцента), – вы, должно быть, добрый и благородный человек, раз государь, мой сын, вас так лубит...

Люинь застыл в склоненной позе, в некотором замешательстве глядя на королеву снизу вверх.

– Люинь! – окликнул его король.

– Прошу вас, отпустите Барбена со мной, – продолжала Мария.

Люинь совсем смешался.

– Но, ваше величество... – начал он.

– Люинь! – крикнул Людовик.

– Клянусь, это моя последняя просьба, – заторопилась королева. – Ведь может же несчастная изгнанница надеяться...

– Люинь, Люинь, Люинь! – выкрикнул Людовик, стоя в дверях, и топнул ногой.

Люинь снова поклонился королеве, поцеловал край ее платья и пошел к выходу. «Точно собака за хозяином», – подумал Бассомпьер. Он подошел к королеве и размашисто поклонился. Мария прислонилась к стене и горько зарыдала.

Овладев собой, она быстро сошла вниз по лестнице. Во дворе Лувра уже ожидали экипажи. Стайка фрейлин окружила Анну Австрийскую; здесь же стояли принцессы Кристина и Генриетта-Мария: король не разрешил им ехать с матерью.

– Матушка! – Гастон подбежал и зарылся лицом в материнские юбки.

– Ну-ну, – Мария гладила его дрожащей рукой по голове, отворачивая лицо, – будьте же мужчиной... Это не навсегда, я еще вернусь...

– Возьмите меня с собой, матушка! Я хочу ехать с вами! – Мальчик захлебывался слезами.

К ним подошел де Брев, воспитатель Гастона, и с большим трудом оттащил его в сторону. Сам он был явно взволнован. Лакей распахнул перед королевой дверь.

Два десятка статс-дам и фрейлин разместились в трех больших дорожных каретах, замыкал поезд скромный экипаж Ришелье.

Король наблюдал с балкона, как кареты матери и ее свиты выезжают из Лувра, затем побежал в галерею – оттуда был виден Новый мост.

Вся набережная чернела народом. Когда грузные рыдваны съехали наконец с подвесного моста и покатились вдоль реки, толпа заулюлюкала, засвистела.

– Катись-катись, квашня итальянская!

– Нечего тебе тут юбками трясти!

Фрейлины прятали глаза, не смея взглянуть на сосланную королеву, вынужденную терпеть поношение от черни. Мария закрыла лицо платком и не открывала его всю дорогу.

Людовик не сводил глаз с кареты, пока она переезжала через мост, мимо конной статуи его отца – Генриха IV. Подавшись вперед, король вцепился в руку Люиня. Тот же за последние четверть часа неощутимо, но бесспорно изменился: стоял спокойно, расправив плечи, – прочно, уверенно. С его лица исчезло обычное слащавое выражение.

– Кабак тот же, только вывеска поменялась, – пробурчал Бассомпьер, обращаясь к герцогу Бульонскому.

– Теперь Люинь будет Анкром короля, – поддакнул тот.

Глава 2. Лукавый ангел

Слуга расставил приборы, снял нагар со свечей и молча удалился. Людовик XIII предпочитал обходиться без посторонних услуг, когда в том не было особой необходимости. Он вполне мог и сам разрезать мясо на своей тарелке и подливать вина себе в кубок. Он даже постель свою заправлял самостоятельно, получая удовольствие от этого занятия. К тому же присутствие лишних ушей не располагало к доверительной беседе, а именно ради этого он любил сюда приходить.

Король находился в покоях Люиня, расположенных точь-в-точь над его собственными: из королевских апартаментов туда вела небольшая внутренняя лестница. Зайдя, по обыкновению, пожелать доброй ночи своей супруге, он отправлялся ужинать к фавориту и проводил с ним весь вечер.

Со времен памятных апрельских событий Люинь, ранее бывший всего лишь главным королевским сокольничим, стал членом Государственного совета, губернатором Амбуаза, обер-камергером, капитаном Тюильри и Бастилии. Тем не менее речь за ужином велась не о государственных делах, а о вещах куда более приятных, чаще всего об охоте.

Когда последняя охота в лесу Рамбуи была обсуждена во всех подробностях, над столом повисла тишина. Людовик задумчиво глядел на пламя свечи, изредка постукивая пальцами по столешнице. Люинь не шевелился, боясь неловким движением потревожить короля, часто впадавшего в такое мечтательное состояние.

– А почему ты не женишься? – неожиданно спросил Людовик, словно очнувшись от грез.

Вопрос был задан с детской непосредственностью и с детской же непоследовательностью. К своим приближенным юный монарх относился очень ревниво, и если бы кто-нибудь из них пожелал жить своей жизнью, отличной от его собственной, для него это было бы равносильно невыполнению приказа игрушечными солдатами. И вдруг...

– Но, сир, – смешался Люинь, – я не думал...

– А я вот как раз над этим поразмыслил, – весело возразил Людовик. – Вот что: сосватаю-ка я тебя сестрице Вандом...

Люинь поперхнулся:

– Ва... Вандом? Вашей сводной сестре?

– Да! Представляешь, мы с тобой породнимся. – Людовик рассмеялся. Но Люиню было совсем не смешно. Он представил, как посмотрят на такой брак представители знатнейших родов. Он тоже французский дворянин, но место свое помнит.

– Ваше величество, – начал он мягко, но в то же время решительно, – моего желания тут недостаточно. Насколько я знаю, сердце мадемуазель де Вандом несвободно...

– Достаточно моего желания, – резко возразил король. Он помрачнел. Сердце! Кому было дело до его сердца, когда его женили в четырнадцать лет! А до сердца его любимой сестры Елизаветы, в тринадцать лет вынужденной навсегда покинуть родину, отправиться в неизвестность! Как она плакала, расставаясь с ним! Как плакал он сам! Вспомнив об этом, он смягчился. В самом деле, зачем ломать жизнь кому-то еще?

– Ну, – спросил он с усмешкой, – а твое сердце кем занято?

– Сир, если это возможно... Та юная особа, недавно представленная ко двору... Новая фрейлина ее величества...

– Мари де Роган? – живо подхватил король. – Что ж, я одобряю твой выбор. Она знатного рода, из хорошей семьи, к тому же молода и хороша собой...

Людовик несколько смутился и, чтобы скрыть это, поскорее закончил разговор:

– Я поговорю с ее отцом, герцогом де Монбазоном.

День обещал быть погожим, однако утренняя свежесть пробирала до костей. Кони резво бежали по проселку, собаки неслись за ними вскачь. Солнце наконец выглянуло из-под легкого серого полога и своими теплыми лучами обняло всадников за плечи. Когда Париж скрылся далеко позади, небо было уже чисто лазоревым, ласковым и умытым.

Не доезжая Ле Бурже, всадники остановились. Людовик спрыгнул с коня; кобчик встрепыхнулся у него на руке, недовольно раскрыв клюв и переступив лапами. На горизонте курчался лес, еще не обожженный холодным дыханием осени, а вокруг расстилались поля.

– Здесь, – сказал Людовик и отдал поводья егерю. Люинь тоже спешил. У него на перчатке сидел полосатый перепелятник в смешном колпачке на головке.

Вдруг сзади послышался звук подъезжающего экипажа, лошадиное ржание. Кони охотников откликнулись, переполошив ловчих птиц. Людовик посмотрел в ту сторону, прищурив близорукие глаза.

– Кто это еще? – недовольно спросил он.

– Я полагаю, это карета вашей супруги, – всмотревшись, ответил Люинь.

В самом деле, теперь уже можно было разглядеть вензель Анны Австрийской на дверце.

Карета остановилась, слуга откинул подножку, и появилась сама королева в сопровождении двух дам. Паж принес обитую войлоком деревянную колодку и воткнул ее в землю, а на этот насест усадил крупную белую птицу.

– Она охотиться приехала! – удивился Людовик. – Ну-ка, кто это у нее...

Быстрыми шагами он направился к карете. Люинь, придав лицу удивленное выражение, последовал за ним.

– Белый кречет! – восторженно воскликнул король, воззрившись на белоснежную птицу (только на спине темные полосы), осанисто сидевшую на шесте. Даже нелепый колпачок не умалял производимого ею царственного впечатления; мощные лапы и клюв внушали уважение.

– Обучен? – спросил Людовик, не отрывая глаз от кречета.

– Господин де Люинь выносил его для меня, – ответила Анна.

Людовик оглянулся назад с веселым удивлением, но тотчас снова вернулся к птице.

– Жаль, что здесь вряд ли найдется для него достойная добыча, – сказал он огорченно. – Разве что куропатку удастся вспугнуть...

– А это кто? – спросила Анна, не решаясь прикоснуться к черной птичке в рыжих «штанишках», возбужденно топтавшейся красными лапами на королевской перчатке.

– Это кобчик, – улыбнулся Людовик, нежно приглаживая перышки своему любимцу. – Видите, ему даже не нужно надевать колпачок, такой он умница... Голоса слушается. Ну-ну-ну, тихо, тихо... Что ж, начнем?

Охотники подошли ближе к полю. Людовик свистнул собак:

– Пато, ищи!

Черный с рыжими подпалинами Пато ринулся прямо в высокую траву и очень скоро сделал стойку. Людовик подошел поближе, высоко поднял руку с кобчиком.

– Пиль!

Собака бросилась; с земли вспорхнула перепелка; кобчик устремился за ней, сильными взмахами крыльев набрал высоту, а затем, сложив крылья и хвост, камнем ринулся вниз – и вот уже перепелка у него в когтях. Анна вскрикнула и захлопала в ладоши.

Людовик побежал туда, где упал кобчик с добычей. Вот они: хищник уже приготовился растерзать свою жертву, но король, бывалый охотник, отоптал траву, левой рукой закрыл перепелку от глаз ястреба, а правой принялся отгибать его когти: сначала передний, потом задний. Отняв перепелку, он у себя за спиной оторвал ей голову, тушку сунул в мешок, а головку дал клюнуть кобчику, после чего спрятал и ее: если дать птице наесться, она перестанет охотиться. Водворенный на перчатку, взъерошенный кобчик возмущенно топтался и, раскрыв клюв, издавал резкое «ки-ки-ки». Пока он успокаивался, двух следующих перепелок принес

ястреб Люиня. Он был постарше, опытнее, а потому сразу отдавал перепелку, как только охотник накладывал на нее руку.

Откуда ни возьмись, в небе появился голубь, и кобчику представился случай отличиться. Маленький удалец ринулся за добычей, бывшей почти с него ростом, набрал высоту, ушел в крутое пике, но голубь вывернулся! Однако промахнувшийся кобчик не растерялся, заложил крутой вираж, распустив веером хвост и крылья, и догнал-таки незадачливого сизаря. Людовик сиял.

Охота шла своим чередом, когда на краю поля показались две серые цапли, вероятно, забредшие сюда с соседнего болота. Вот и достойная дичь для кречета королевы.

Спустили собак. Когда залиvistый лай раздался совсем близко, цапли медленно взлетели, величественно взмахивая крыльями, и потянулись к лесу. Людовик взял снизу руку Анны в перчатке, на которой сидел кречет, поднял ее как можно выше и подбросил птицу вверх. Стремительный и неумолимый, белый охотник понесся вдогонку.

Все следили за этой сценой как завороченные. Цапли летели друг за другом. В их движениях не было суетливости, панического трепыхания перепелок. Но их вытянутые вперед длинные шеи, увенчанные изящными хохлатыми головками, не выражали и покорности судьбе. Они поступали так, как должно. А сзади, мягкими мощными взмахами, бесшумно надвигалась неотвратимая смерть. Вот уже сильные лапы со страшными когтями вытянуты вперед. Удар – и охотник с жертвой опустились в высокую траву. В этот миг они слились воедино, и у скорбно изогнувшейся цапли словно выросли белые ангельские крылья.

Охотники побежали туда, а Людовик с Анной не двинулись с места. У обоих перед глазами еще стояла эта картина – кречет, настигающий цаплю, и какое-то непонятное, необъяснимое чувство всколыхнулось в груди. Людовик, не сознавая того, все еще продолжал держать Анну за руку в перчатке. Она повернулась к нему, взгляды их встретились. Она словно ждала от него каких-то слов, и эти слова как будто уже пришли к нему, вот только, чтобы их выговорить, требовалось сделать усилие. Людовик отвел глаза и заметил Люиня, который шел к ним через поле, неся в руках цаплю.

– Выполните ли вы одну мою просьбу, сударыня? – спросил он, слегка отстранившись от жены.

– Да, государь, – сказала та с робкой надеждой.

– Мне угодно, чтобы вы предоставили табурет вашей фрейлине Марии де Роган.

– Право сидеть в моем присутствии? – Лицо королевы снова приняло холодное и высокомерное выражение. – Но оно принадлежит только принцессам и герцогиням!

– Не волнуйтесь, она станет герцогиней, – небрежно сказал Людовик.

«Вот когда станет, тогда и...» – хотела было возразить Анна, но удержалась. С досадой пнула камешек носком туфли.

– Так выполните вы мою просьбу?

– Да, государь! – Анна присела в коротком поклоне, резко развернулась и пошла к карете, не пожелав взглянуть на цаплю, которую принес Люинь.

В покоях Анны Австрийской говорили по-кастильски, сидели на полу на подушках по испанской моде и обсуждали последние новости из Мадрида. Правда, пока они добирались до Парижа, все в дорожной пыли, то уже переставали быть новостями. Обычно королева смертельно скучала, пытаясь разогнать тоску музыкой или чтением книг. Присутствие испанских фрейлин под началом суровой графини де ла Торре перенесло в Лувр затхлую атмосферу Эско-риала, от которой робели и цепенели даже фрейлины-француженки.

Однако последние несколько оживились, с тех пор как к ним присоединилась семнадцатилетняя Мари де Роган – резвушка и хохотушка с озорными голубыми глазами и длинными белокурыми волосами, струящимися по плечам. Ее алые губки умели складываться в кокет-

ливую гримаску, а под выпуклым лобиком вечно замышлялись какие-то шалости. Было в ней нечто одновременно чистое и порочное. Своим стройным станом и высокой грудью она могла сравниться с самой королевой, признанной первой красавицей в Европе, и та порой терялась в ее присутствии, не зная, как себя вести. Почти ровесницы, они были такими разными – веселая беззаботная Мари и надменная Анна.

Вот и сейчас француженки весело щебетали о чем-то в уголке.

– Что это вы обсуждаете, сударыни? – громко спросила Анна.

Щебет тотчас смолк.

– Замужество Мари, ваше величество, – ответила Антуанетта дю Верне, сестра Люиня.

– Что ж, это интересно. – Анна встала и подошла к окну. – Что именно вас занимает?

– Ах, я жду не дождусь, ваше величество, когда же наконец выйду замуж и у меня будет свой дом, где я буду сама себе хозяйкой. – Мари выступила вперед. – Какие я стану устраивать приемы, балы! Ах, ваше величество, отчего при дворе так редко дают балы, ведь это так весело!

Анна сама любила танцевать и надеялась, что при французском дворе ей доведется веселиться чаще, чем на родине. Но как признаться в том, что на развлечения надобны деньги! Да, муж передал ей драгоценности Леоноры Галигай, жены Кончини, казненной в июле по обвинению в колдовстве, но щеголять в них доводилось редко: наличных средств, если верить ее интендантше графине де ла Торре, было в обрез.

Графиня пришла на помощь королеве:

– Помыслы порядочной девушки должны быть благочестивыми, – сурово сказала она, обращаясь к Мари. – Легкомысленным особам, подобным вам, гораздо полезнее проводить время в молитве, чем в пустых развлечениях.

– Ах, боже мой, госпожа графиня, если мы станем проводить время в молитвах сейчас, что же нам останется делать, когда мы будем подобны вам?

Из «французского» угла послышались смешки. Графиня де ла Торре поджала губы.

– Ну хорошо, а какого вы мнения о вашем будущем супруге? – выручила ее королева.

– Он хорош собой, учтив и, вероятно, умен. – Мари говорила нараспев, мечтательно закатив глаза и слегка приседая, переступая ногами и поворачиваясь, точно танцевала павану с невидимым кавалером. – Пусть он годится мне в отцы, но ведь он еще не стар, и значит, я могу надеяться, что он будет усердно воздавать мне должное, как и подобает мужу молодой жены.

– Мари, о чем вы говорите! – Анна почувствовала, как кровь прилила к ее щекам. – Разве об этом... – Она запнулась, боясь повторить слова и интонацию графини де ла Торре.

– ...следует думать девушке перед свадьбой? – подхватила Мари. – А о чем же еще? По крайней мере, он научит меня всему, что необходимо знать женщине, чтобы не краснеть, как глупая гусыня, когда воздают почести ее красоте.

Королева задумалась, не обидеться ли на «глупую гусыню», однако решила не принимать сказанного на свой счет.

Тринадцатого сентября 1617 года король уже в три часа ночи был на ногах и разбудил своего дорогого Люиня. Пока жених приводил себя в порядок, брился и одевался, Людовик сидел в кресле и, чтобы чем-нибудь себя занять, рисовал портрет своего фаворита. Портрет получался карикатурным, хотя сходство, безусловно, улавливалось. Увенчав курчавую голову шляпой с огромным пером, Людовик набросал рядом женское личико: мелкие кудряшки над выпуклым лбом, губки бантиком, глаза в лукавом прищуре... Подумал, скомкал рисунок и бросил в огонь.

Церемония бракосочетания состоялась в часовне королевы, расположенной на углу Лувра, напротив Нового моста. Несколько вельмож, позевывая в кулак, присутствовали при ритуале, в их числе – братья Люиня, красавцы Брант и Кадене, отныне тоже поселившиеся в Лувре. Эркюль де Монбазон, крепкий мужчина лет пятидесяти, любовался дочерью: красавица, вся в покойную мать. На невесте было платье из серебряной парчи, отделанное жемчугом

и пышными кружевами тонкой работы; крупные жемчужины были вделаны в серьги и, нанизанные на нитку, обвивали ее шейку. Жених тоже не поскупился на наряд: кружевные манжеты, расшитая золотом алая перевязь поверх коричневого атласного камзола, короткие штаны в тон, красные чулки, туфли с дорогими пряжками вместо обычных сапог. Вместе они смотрелись настоящей парой: он плотный, статный, крутой лоб с небольшими залысинами, закрученные усы, решительный взгляд из-под слегка набрякших век; она стройная, с пленительными округлостями, готова доверчиво склонить головку ему на плечо... Архиепископ Турский Бертран д'Эшо благословил молодых и соединил их перед Богом и людьми.

Вечером Шарль д'Альбер де Люинь дал официальный ужин по случаю своей женитьбы, а затем увез молодую жену в замок Лезиньи-ан-Бри, бывшее владение Кончини, перешедшее к нему «по наследству». Король подарил новобрачным пятьсот тысяч ливров, и Люинь купил жене особняк на улице Сен-Тома-дю-Лувр, по соседству с отелем де Рамбуйе. Мечта Мари сбылась: она с воодушевлением занялась обустройством своего гнездышка, заказывая для него самую изящную мебель, дорогие гобелены, «турецкие» ковры, сотканные в Савонри Дюпонном, – Монбазоны тоже были не из бедных, и приданым отец снабдил ее порядочным. Супруг же ее занялся делами куда более важными: в ноябре, с трудом разрядив сложную политическую обстановку в Северной Италии, скончался секретарь Государственного совета Вильруа, и де Люинь, заняв его место, развернул бурную деятельность, пристраивая при дворе свою многочисленную родню.

Глава 3. Счастливы обладающие

«Отец мой, этим письмом я хочу засвидетельствовать Вам свое доверие, поскольку, хоть мы и не виделись уже более полутора лет, я пишу к Вам с той же откровенностью, как будто Вы здесь, рядом со мной...» Перо застыло в воздухе, Ришелье задумался. Действительно, многое изменилось за эти полтора года; из Малого Люксембургского дворца он перенесся не в Лувр, как рассчитывал, а сюда, в скромный дом каноника церкви Сен-Пьер-д'Авиньон. Захочет ли теперь отец Жозеф хлопотать об оклеветанном изгнаннике? Они познакомились девять лет назад; отец Жозеф, в миру Франсуа Леклерк дю Трамбле, проникся симпатией к молодому епископу Люсонскому и составил ему протекцию, рекомендовав своему однокашнику – аббату де Берюлю. Но одно дело подтолкнуть наверх, а другое – вытаскивать из ямы, с риском упасть туда самому. Ришелье не настолько наивен, чтобы верить в неизменность дружеских чувств. И тем не менее, узнав о возвращении отца Жозефа из Италии, где тот пытался собрать новый крестовый поход против турок, он решился ему написать: у этого непростого капуцина большие связи, король перед ним благоговеет... Вздыхнув, Ришелье обмакнул перо в чернильницу и стал писать дальше.

Коротко коснувшись событий, предшествовавших его отъезду в Блуа с королевой-матерью, подробно рассказал о письме Люиня с недвусмысленными угрозами, которое и побудило его спешно бежать в Люсон. Правда, тревога оказалась ложной, но это выяснилось слишком поздно; его неожиданный отъезд... да что там, бегство вызвало подозрения у короля, и тот, распаляемый Люинем (о, коварный временщик!), приказал Ришелье не покидать своей епархии. «Что оставалось делать? Смирение – высшая христианская добродетель. Но, отец мой, Вы же знаете, что я не рожден для того, чтобы киснуть в глуши...» Об этом не надо. «Стремясь надлежащим образом исполнить свой долг пастыря, я три месяца не отходил от письменного стола и наконец представил на суд добрых католиков свой скромный труд – Основы вероучения католической церкви. В сей книге я в меру своих сил опровергаю постулаты гугенотской ереси и учение Лютера, дерзнувшего утверждать, что он и его приспешники свободны от всяких законов...» Ришелье откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза. Книга была издана в Пуатье, а затем и в Париже и – к чему ложная скромность – имела успех. Ректор Сорбонны прислал ему письмо с поздравлениями. Ришелье горько усмехнулся: поздравлениями! С чем? «Чувствую сам: чем больше славы принесет мне это сочинение, тем больше будет у меня врагов...»

Люинь встревожился: почему Ришелье поселился в приорстве Куссей, откуда не так далеко до Блуа? Его старшему брату – маркизу Анри де Ришелье – и шурина дю Пон де Курле было приказано оставить двор и отправляться в свои поместья. А тут еще раскрылась переписка между несчастным Барбеном, томящимся в Бастилии, и его бывлой покровительницей Марией Медичи. Люиню везде мерещились заговоры. Епископу Люсонскому было приказано удалиться в Авиньон, то есть покинуть Францию.

«Я не был удивлен, получив эту депешу, так как низость правителей в любой момент могла преподнести мне любую несправедливость». Ришелье подумал, перечитал эту фразу и вычеркнул ее. Кто знает, в чьи руки может попасть его письмо! Одно неосторожное слово, и... Лучше не навлекать на себя гнев. Тогда он уехал из Люсона, даже не отслужив пасхальной мессы, в самую распутицу. Дороги превратились в сплошное месиво, лошади надрываются от натуги, храпят, оскальзываются на грязи, карета того и гляди перевернется... Грязные постоялые дворы, дурная пища, насекомые... В Авиньон он приехал спустя три недели, совершенно разбитый.

Вскоре в маленьком домике каноника де Бомона появились и другие жильцы: маркизу де Ришелье и дю Пон де Курле было велено присоединиться к опальному родственнику. «Большим утешением было то, что нас не разлучили, хотя наши враги не сделали этого лишь потому,

что хотели следить за всеми нами одновременно». Анри очень беспокоился о жене, ведь она ждала ребенка. Только бы мальчик! Продолжатель рода Ришелье. У дю Пон де Курле, мужа их сестры Франсуазы, тоже сердце было беспокойно: у него дочь невеста, а как теперь найдешь ей приличную партию? Арман чувствовал себя виноватым перед родственниками и строчил письмо за письмом, стараясь поддержать старые знакомства, восстановить свое доброе имя.

«Я повиновался королеве, это правда... Все – частные лица или официальные – руководствовались лишь ее указаниями. Клянусь перед Богом, что она никогда не сказала ни одного слова, которое могло бы вызвать неудовольствие короля...» Перечитал – и со вздохом вымарал и это. Нет, такими оправданиями не привлечешь на свою сторону отца Жозефа. Надо быть проще – и тверже. «Я сын своего отца, всегда служившего королю; и сам я, в меру своих возможностей, делал то же самое...»

Парк Лезиньи наполнился гомоном голосов и смехом: на несколько дней двор перебрался сюда. В преддверии этого знаменательного события Люинь срочно занялся украшением замка: велел приготовить комнаты для короля и украсить попышнее апартаменты, отведенные королеве, вычистить пруд и посыпать мелким гравием дорожки в парке. С подвесного моста сняли ржавую цепь: поднимать его больше не было необходимости.

Денек выдался на славу: в небе ни облачка, легкий ветерок, застрекая в верхушках деревьев, с шорохом выпрастывался из них и игриво целовал фрейлин в разгоряченные щечки: они играли в мяч, в кольца и жмурки. Зачинщицей игр, разумеется, была новоиспеченная госпожа де Люинь: ее резвые ножки в атласных башмачках неумоимо носились по траве, а суровая графиня де ла Торре гневно скидывала брови и поджимала губы всякий раз, как из-под края ее платья показывались пышные нижние юбки и светло-зеленые чулки.

Анна Австрийская давно сменила фасон своих нарядов на французский, отказавшись от тяжелых испанских юбок на металлическом каркасе, в которых трудно было передвигаться. Она, правда, лишь наблюдала за играми фрейлин, не решаясь к ним присоединиться. К тому же в туфлях на двойных подошвах, которые она носила, чтобы казаться выше, бегать было неудобно.

Наконец фрейлины утомились и упали на подушки, разбросанные прямо на траве. Мари прислонилась спиной к дереву и запрокинула голову, глядя вверх, туда, где сквозь листву просвечивало небо. Грудь ее высоко вздымалась.

– Как жаль, что с нами нет господина де Вио, – сказала она, отдышавшись, – я уверена, что он прямо сейчас сочинил бы нам премиленькие стихи: он так тонко чувствует природу!

– Вот и славно, что его здесь нет, – строгим тоном возразила Анна Австрийская, – вы ведь знаете, что король его не любит.

– Ах, король! Что он понимает в поэзии! Конечно, ему ближе ваш старичок Малерб со своим высоким слогом и неживыми героями. А Теофиль...

– Теофиль? – оживилась сводная сестра короля Габриэль де Верней. – Вы столь близки, что называете его по имени?

– Что ж в этом странного? – Мари ни чуточки не смутилась. – Всех поэтов называют по именам: Гораций, Вергилий... А Теофиль в самом деле прекрасный поэт. Когда я читаю его элегии, то вспоминаю свой родной Кузьер, где провела детство: темный парк, пруд без всяких прикрас, ласточки носятся над дорогой перед дождем... А его стихи о любви! «Я вас поцеловал в неверном сновиденье, и пусть Амур еще огня не угасил, а все же поостыл мой неумный пыл и распаленных чувств утихло возбуждение...»

– Боже, как интересно! – насмешливо сказала Антуанетта дю Верне. – На месте моего брата я бы внимательней изучала творения его протеже.

– Ах, какая ты, Антуанетта! – с досадой отмахнулась Мари. – Это же вовсе не про меня. Вот послушайте, какой он написал мне мадригал!

– Как, уже? – в притворном ужасе воскликнула принцесса де Конти. Оставив королеву-мать, она вошла в свиту Анны Австрийской. – Господин де Вио уже настолько осведомлен, что может со знанием дела воспевать ваши... ммм... вашу красоту?

– А ну вас! – Мари рассмеялась. – Вы судите о Теофиле по этой книге, о которой все сейчас говорят... Как ее... «Сатирический Парнас». Так вот: там нет ни одной строчки господина де Вио, он клятвенно меня в этом уверял. Правда, говорят, там есть довольно забавные вещи...

– Зачем же пересказывать то, что говорят другие? – небрежно обронила принцесса де Конти. – Не лучше ли составить свое собственное мнение, прочитав эту книгу?

– Как, она у вас есть? – Мари даже подскочила. – Милочка, голубушка, дадите мне ее почитать?

– Король сильно разгневается, если увидит ее у вас, Мари! – сочла своим долгом вмешаться королева.

– Не увидит. И потом, книги его не слишком интересуют, если, конечно, в них нет картинок о войне или об охоте.

Фрейлины засмеялись. Король с Люином в это время вышли из парка и остановились неподалеку, разговаривая, по-видимому, о каких-то серьезных вещах. Мари смотрела на них, покусывая травинку, и в глазах ее вспыхивали лукавые искорки. Анна, стараясь не показать этого, следила взглядом то за ней, то за супругом.

– Ваше величество, идите к нам! – крикнула Мари и помахала рукой. Король обернулся, склонился в шутовском поклоне, потом приложил обе руки к груди, вытянул их вперед и бесильно опустил, поникнув головой, чтобы показать, что сердцем стремится примкнуть к веселой компании, но не может: дела. Они с Люином пошли дальше, а Анна вдруг сердито поднялась со своего места. Что это с ней? Неужели ревность? Главное – совладать с собой, иначе при дворе поползут слухи, разрастаясь, как снежный ком; выдумают такое, чего не было и быть не могло.

Фрейлины тоже встали с подушек. Анна молча, степенно пошла вглубь парка. Ее догнала Мари.

– Вы сердитесь на меня, ваше величество? – шепнула она. – Поверьте, я ничем этого не заслужила.

Анна продолжала идти, глядя прямо перед собой.

– Вы знаете, – продолжала Мари, не стараясь заглянуть ей в лицо, – оказывается, я люблю своего мужа!

Анна остановилась. Мари улыбалась так мягко, так простодушно, что ей невозможно было не поверить.

– И знайте, что для меня нет ничего дороже вашей дружбы, – сказала она. – Кстати, в одном сонете, который написал по этому поводу Теофиль... – Они взглянули друг другу в глаза и расхохотались.

Между тем разговор Людовика с Люином мог бы сильно заинтересовать их супруг. В своей осторожной манере Люиень воркующим голосом исподволь развивал мысль о том, что королю следовало бы избавиться от своей неприязни к испанцам, по крайней мере не проявлять ее столь явно. И даже если вся эта нация не вызывает у него большой любви, можно сделать исключение хотя бы для одной ее представительницы – королевы...

– Н-ну вот, и т-ты т-туда же. – Щеки Людовика порозовели от смущения. – Я же тебе говорил: я люблю Анну. Люблю, как... сестру.

– Но она ваша жена, – с нажимом сказал Люиень. – А цель королевского брака – подарить Франции наследника престола.

– Не понимаю... Мы ведь еще так молоды... Или ты уже хоронить меня собрался?

Люинь не сразу нашелся, что ответить на столь прямо поставленный вопрос. Пока он подбирал уклончивые слова и составлял из них витиеватую фразу, король продолжил:

– Все твердят мне про наследника: и отец Арну, и папский нунций Бентивольо. А эти испанцы! – Людовик сделал гневный жест рукой. – Представляешь, недавно посол Монтелеоне спросил во время аудиенции, не нужно ли обучить Анну приемам обольщения, чтобы обеспечить продолжение королевского рода! Нет, каков! Предлагать такое моей жене! А испанских фрейлин ее я больше видеть не могу: они все...

Король произнес слово, какого до сих пор никто не слыхивал из его уст, и Люинь с трудом сохранил серьезное выражение лица.

– Нет, в самом деле! Однажды вечером обступили меня, огородили своими юбками и чуть ли не силой хотели уложить с ней в постель! При одном взгляде на них с души воротит! Черное воронье!

В самом деле, большинство статс-дам королевы были вдовами, а потому постоянно ходили в черном.

– А если испанки уедут? – вкрадчиво спросил Люинь.

– То есть как? – не понял Людовик.

– Я думаю, что, если вы решите отослать испанскую свиту королевы обратно, сделав это условием свершения вашего брака, ее августейший отец не станет возражать.

– Нет! – резко сказал Людовик и помрачнел. – Тогда из Мадрида вышлют французскую свиту Елизаветы и она останется совсем одна...

Повисло молчание. Король и Люинь молча шли рядом. Каждый думал о своем. Вдруг тишину пререзал гортанный возглас графини де ла Торре, что-то говорившей фрейлинам по-испански. Людовик вздрогнул от неожиданности и невольно обернулся в ее сторону.

– Все-таки подумайте, ваше величество, – тотчас шепнул ему Люинь.

Ришелье бессильно откинулся на подушки и прикрыл глаза. Носилки мягко покачивались, а в душе его царил смятение, почти паника. Когда помощник папского легата показал ему копию этого письма – ответ на запрос папы Павла V французскому королю, – у него чуть не подкосились ноги. Папа интересовался, в чем же провинился епископ Люсонский, добрый католик, стремящийся ревностно служить своему государю. В письме же сообщалось, что Ришелье пренебрегал своими пастырскими обязанностями, приносил вред на службе монарху, чем способствовал общественным беспорядкам! Какой удар! Подлый Люинь! Ришелье так и видел, с какой сладенькой улыбочкой тот диктует письмо своему секретарю! Теперь можно ожидать чего угодно, надеяться не на кого: не так давно, в сентябре, умер кардинал дю Перрон, его единственный покровитель.

Носилки остановились у дома каноника де Бомона. Ришелье с трудом из них выбрался и пошел к двери. Голова разламывалась от нестерпимой боли, и он машинально сжимал пальцами виски, словно для того, чтобы череп не раскололся на части. Думать все равно ни о чем невозможно. Просто лечь, закрыть ставни, сомкнуть глаза...

В комнате к нему тотчас бросился брат Анри:

– Арман, вот и ты наконец! Ужасные вести!

Ришелье покачнулся. Первой мыслью было то, что уже пришел приказ об аресте и их завтра же препроводят в Пиньероль.

– Я получил сегодня почту... Моя жена умерла... Умерла родами... Две недели назад... У меня сын... мальчик... – Анри говорил сдавленным голосом, обхватив себя рукой за горло, словно отрывал от него чьи-то невидимые пальцы. – Он там один... Ему же нужно... найти хорошую кормилицу, позаботиться... Я тотчас написал королю... И я уверен, что король не откажет мне в моей просьбе... Так, может быть... выехать уже сейчас, не дожидаясь разрешения? Как ты думаешь, Арман? Арман? Что с тобой?

Прислонившись к притолоке, побледневший Арман, путаясь, расстегивал ворот, судорожно глотая воздух.

– Да-да, конечно, – прошептал он. – Ехать... Лошадей...

Ехать на почтовых. Скорее, медлить нельзя. Вот из конюшни выводят свежих лошадей. Одна из них с норовом, взбрыкивает, закидывает голову, косит бешеным глазом, грызет удила большими желтыми зубами. Конюх надевает сбрую, затягивает супонь, похлопывает рукой по крупу. «Трогай!» – «Но, пошел!» Кони скользят ногами по жиже из грязи, смешанной со снегом, приседают, коротко ржут. В грудь врезаются постромки, перехватывает дыхание. Коротко свистнуло в воздухе, спину ожгло жаркой болью. Вперед! Впереди змеится дорога, снова свист – и-го-го! – хватаешь ртом холодный воздух, из ноздрей вырывается пар, топот копыт – та-га-да, та-га-да...

– Арман, Арман, очнись! – Анри трясет его за плечи. Ришелье сидит на полу, не понимая, как там очутился. В глазах Анри страх.

– Что... Что со мной было? – еле слышно выдавливает из себя Арман.

Анри медлит с ответом. Потом говорит:

– Ты... ты опустился на четвереньки и стал бегать вокруг стола. Ржал, как лошадь... пойдем, я уложу тебя в постель...

Сын маркиза Анри де Ришелье скончался через месяц после своей матери. Безутешному вдовцу не было позволено даже присутствовать на похоронах.

Четвертого декабря длинная вереница карет вывезла из Лувра, а затем и вообще из Франции всех испанских фрейлин и статс-дам королевы Анны Австрийской. Из числа ее соотечественников при дворе остались только духовник, личный врач, старшая камеристка да старая кормилица Эстефанилла, с которой не пожелала расстаться ее воспитанница. Обергофмейстериней и главой совета королевы была назначена Мари де Люинь, получившая под свое начало около пятисот человек.

Постепенно между Мари и королевой завязалась нежная и доверительная дружба. Она имела мало общего с отношениями, связывающими Людовика с Люинем. Король не уставал осыпать милостями своего любимца: тот уже стал губернатором Пикардии, а в Лувре теперь говорили с прованским акцентом, поскольку двор наводнили многочисленные родственники фаворита, торопящиеся из бедных стать богатыми. Мари же ни в чем не нуждалась; скорее это она дарила себя королеве, давая ей возможность почувствовать себя просто женщиной, выговориться, погрузиться и посмеяться вместе с родственной душой. Супруги двух самых влиятельных лиц во Франции, которыми их мужья зачастую пренебрегали ради государственных дел, а то и своих развлечений, подолгу стояли рядом на балкончике, глядя, как Сена несет свои воды мимо Лувра. Бывало, что просто молчали, но чаще шептались о своем заветном. У Мари уже заметно округлился животик: первенец должен был появиться на свет в марте. Анна поглядывала на нее с доброй завистью и украдкой вздыхала: хотя испанки покинули Францию, Людовик не спешил выполнять свою часть уговора – дать браку свершиться.

Двадцать третьего января отпраздновали свадьбу сводной сестры короля мадемуазель де Вандом с герцогом д'Эльбёфом; на шестое февраля было назначено бракосочетание его родной сестры, принцессы Кристины, с герцогом Савойским. Людовик был полностью поглощен подготовкой балета Аполлона, который должен был состояться по этому случаю в Малом Бурбонском дворце: репетировал с музыкантами, следил за тем, как изготавливают декорации и монтируют сложные театральные машины, из которых будут появляться античные боги, давал указания своему портному Аршамбо по поводу костюмов. В самый разгар этой бурной деятельности его величеству доложили, что папский нунций Бентивольо просит его принять. Людовик, разгоряченный, в рубашке с засученными рукавами и простых холщовых штанах, с растрепанными волосами, прилипшими к вспотевшему лбу, вышел к нунцию и, преклонив колено, поцеловал перстень на его руке.

После того как они обменялись несколькими учтивыми и ничего не значащими фразами, Бентивольо перешел к делу.

– Сир, – сказал он мягким голосом и не глядя королю в глаза, поскольку Людовик этого не любил, – папский престол всегда имел своей опорой трон христианнейшего короля, и в интересах его святейшества, чтобы этот трон был прочен, переходя по законному праву к верным сынам и защитникам нашей матери-Церкви.

Поняв, куда клонит нунций, Людовик смущенно уставился в пол.

– Сир, – продолжал тот еще мягче, – неужели вы покроете себя позором, допустив до того, что ваша сестра родит сына прежде, чем вы произведете на свет дофина?

Людовик густо покраснел.

– Нет, такого позора не будет, – пробормотал он и вышел из комнаты.

Вечером того же дня Людовик отправился к королеве... и вернулся к себе, по обыкновению пожелав ей покойной ночи. Около одиннадцати к нему зашел Люинь. Король сидел на постели в одном халате, ссутулившись и зажав руки между колен. Он вскинул голову и посмотрел на вошедшего фаворита. Люинь с усмешкой покачал головой и посторонился, как бы приглашая его пройти в дверь. Людовик подумал, затем решительно поднялся и вышел в коридор.

Вслед за камердинером короля, освещавшим им дорогу факелом, они проследовали через темные залы и галереи в покои королевы. Слуга остался в прихожей, а король с Люинем прошли прямо в спальню. Анна, уже лежавшая в постели, испуганно натянула одеяло до подбородка. Людовик замялся, оглядываясь в нерешительности на склонившихся в реверансе камеристок. Старая Эстефанилла выгнала их всех вон, закрыла на ключ дверь в смежную комнату и тоже ушла. Прошла еще одна томительная минута, и тогда Люинь сорвал с короля халат, схватил его в охапку и положил на постель рядом с женой, после чего поклонился и вышел.

В спальне было темно, ничего не разглядеть, поэтому госпожа дю Белье, которую ошибкой заперла в гардеробной подслеповатая Эстефанилла, приникла ухом к замочной скважине, досадуя на дубовую дверь, плохо пропускавшую звуки. Она вся обратилась в слух и через какое-то время, когда в ушах у нее уже начало звенеть от напряжения, расслышала жаркий шепот короля:

– Ты самая прекрасная женщина на свете, – говорил он счастливой Анне Австрийской, – я всегда буду принадлежать только тебе одной. Всегда-всегда! Никогда не прикоснусь я ни к одной женщине, кроме тебя! И у нас будут дети. Много детей...

Глава 4. Королева-беглянка

– Ну, что? – нетерпеливо воскликнула Мария Медичи, едва граф де Бренн приоткрыл дверь в ее покои.

– Все сделано, – коротко ответил тот. – Карета спрятана на том берегу, возле деревянного моста.

Королева-мать стала нервно ходить по комнате, шурша юбками и стуча каблуками. Она вдруг застывала на месте, точно пораженная какой-то мыслью, потом снова принималась расхаживать по скользкому плиточному полу. Действительно, было от чего взволноваться: утром в Блуа прибыл гонец от герцога д'Эпернона и передал письмо, сообщив, что его «следует читать между строк». Нагрев письмо над пламенем свечи, королева увидела проступившие строчки, написанные лимонным соком: все готово для побега, герцог будет ждать ее в Лоше двадцать второго февраля. Но сегодня уже двадцать первое! Что это? Насмешка? Ловушка? На всякий случай Мария Медичи отдала соответствующие распоряжения: карета готова, но что дальше?

Солнце давно уже село, и за окном растеклась густая, чернильная мгла. На часах – без четверти двенадцать. В комнате было жарко натоплено, к тому же королева вся горела от возбуждения. Она подошла раскрыть окно и, вскрикнув, отскочила назад: в окне появилась чья-то голова. Де Бренн подбежал к ней с канделябром: ночным гостем оказался Дюплесси, секретарь герцога д'Эпернона.

– Но, бог мой, сударь, как вы сюда взобрались? – не могла скрыть удивления королева, когда Дюплесси наконец перелез через подоконник и очутился в комнате целиком. Ее покои находились во втором этаже, и до земли было не меньше ста двадцати локтей.

– Лестницы готовы, ваше величество, ждем только вас, – ответил секретарь с учтивым поклоном.

В покоях королевы-матери поднялась страшная суета. Горничные и камеристки сбивались с ног, собирая и увязывая в узлы платья, сорочки и белье своей хозяйки. Тем временем специально выставленные люди следили за тем, чтобы о поспешных приготовлениях не стало известно в замке. Однако в нем царил сонный покой.

Около шести утра королева в дорожном платье, прижимая к груди несколько шкатулок с драгоценностями, с которыми она никогда не расставалась, перешагнула через подоконник своей спальни, выйдя на западную террасу, и нащупала ногой лестницу. До рассвета было еще далеко, город крепко спал, нигде не мерцало ни огонька, темно – хоть глаз выколи. Лестница скрипела и раскачивалась, грозя завалиться на сторону, и королева, не привыкшая к подобным упражнениям, то и дело вскрикивала от страха. Кое-как спустилась она вниз, вся позеленев, с дрожащими коленями и трясущимися руками.

– Отлично, ваше величество, – шепнул ей Дюплесси, поддерживая ее под локоть, – теперь пожалуйста сюда: переберемся через вал и...

– Что, еще одна лестница? Ни за что! – взвизгнула королева. – Лучше умереть!

Дюплесси закусил губу. Ну и что теперь делать? Половина пути пройдена, и если королева отказывается спускаться вниз, то наверняка не полезет и обратно вверх. Не волоком же ее спускать, в самом деле! И тут Дюплесси озарило.

– Мантии! – громко шепнул он де Бренну. Тот был озадачен лишь на секунду и тотчас понимающе кивнул. Ощупью нашел нужный узел, в который были связаны зимние накидки. Сталкиваясь в темноте лбами, они расстелили их на земле, уложили туда королеву вместе со шкатулками, обернули, обвязали бечевками, привязали к концу получившегося куля толстую веревку и стали осторожно спускать по насыпи на крепостном валу, наваленной во время ремонта, на дно пересохшего рва.

Почувствовав, что куль коснулся земли, торопливо спустились по лестнице и принялись рвать бечевки, высвобождая королеву. Как ни странно, такой способ передвижения понравился ей несравнимо больше, и Мария даже развеселилась. Правда, обнаружилось, что одна из шкапулок была утеряна, но искать ее сейчас не было никакой возможности.

Отряхнувшись и оправив платье, подбитое мехом, Мария двинулась дальше пешком. По бокам шагали де Бренн и Дюплесси. Когда они вышли на улицу, Дюплесси зажег факел, чтобы освещать им дорогу. Позади семенила служанка, нагруженная тюками с одеждой, завершали шествие двое охранников.

Несмотря на ранний час, им навстречу уже попадались люди. Крестьяне, направлявшиеся на рынок, не преминули высказать свои предположения о том, где провела ночь эта тетка, подцепившая сразу двух куманьков, и куда направляется теперь. Де Бренн схватился было за шпагу, но Мария остановила его.

– Они принимают меня за гулящую бабенку, – шепнула она ему, хохотнув. – Вот забавно!

Де Бренн искоса бросил на нее взгляд: королева казалась помолодевшей на десять лет.

Гулко стучали башмаки по деревянному мосту. Луара текла расплавленным оловом меж оцепеневших берегов.

Перейдя через мост, путники в замешательстве остановились и закрутили головами: где же карета? Под вопрошающим взглядом королевы де Бренн смешался и побледнел. В самом деле, он же сам пригнал ее сюда и спрятал вон там, в тех зарослях! Придерживая шпагу, он побежал к кустам. Ф-фу! От сердца отлегло. Здесь карета! Выпряженные, но стреноженные лошади стояли неподалеку, а кучер, пританцовывая, хлопал себя руками по плечам.

– Запрягай, болван! – прошипел де Бренн, и испуганный кучер бросился ловить лошадей.

Неожиданная задержка пробудила в беглецах оправданные страхи. Дюплесси и де Бренн беспрестанно посматривали в сторону замка, опасаясь погони. Наконец все уселись в карету: «Гони!» Через три с половиной часа бешеной скачки вдаль показались башни замка Лош. Герцог д'Эпернон лично выехал встречать королеву-мать в сопровождении двухсот всадников и торжественно препроводил ее в свои владения.

Заседание Государственного совета закончилось около трех часов, и Людовик вместе с советниками спустился на первый этаж старого замка Сен-Жермен. При их появлении в большом зале заиграл небольшой оркестр из двух скрипок, двух альтов и лютни, а истомившиеся фрейлины захлопали в ладоши. Анна Австрийская, улыбаясь, пошла навстречу супругу, и тот, учтиво поклонившись, взял ее под руку.

– Танцевать, танцевать! – воскликнула Мари де Люинь и, схватив за руку мужа, встала с ним во вторую пару.

За важной, степенной паваной последовала веселая гальярда. Король протанцевал и ее в паре с королевой, не сводя с нее влюбленно-восторженных глаз, и даже реже сбивался с ритма. Давно не видали его таким веселым и раскрепощенным. После гальярды король поклонился и отошел в уголок вместе с венецианским посланником, но и беседуя с ним, он переглядывался с женой, которая теперь танцевала буре с молодым Анри де Монморанси. Люинь, по обыкновению, присоединился к королю, и кавалером Мари, которая не могла отказаться от танцев, несмотря на свое интересное положение, стал его брат Брант. Затем оркестр заиграл сарабанду, Анна взяла бубен и вышла на середину круга. Она танцевала легко и изящно, и не один только Людовик любовался ее грациозными движениями. Другой брат Люиня, Кадене, тоже выскочил в круг и принялся высоко подпрыгивать, стучая башмаком о башмак, взмахивать руками и притоптывать ногами. При этом он топорщил усы и вращал глазами, изображая пылкого испанца. Фрейлины покатывались со смеху, да и трудно было удержаться от улыбки при виде такого «кабальеро». Танец закончился, и Анна, тяжело дыша, села в кресло. Людовик учтивой фразой завершил беседу с венецианцем и прошел через весь зал к своей супруге. Фрейлины

и придворные кавалеры наперебой осыпали ее комплиментами, а старый глуховатый Бельгард чересчур громко спросил, что бы она сделала с мужчиной, который заговорил бы с ней о любви.

– Убила бы! – шутливо ответила Анна, обмахиваясь веером.

– Ах, я убит! – воскликнул старик и, закатив глаза, повалился на одно колено, прижав руки к груди.

Все расхохотались, а Людовик смеялся громче всех. Анна подняла к нему лицо и посмотрела на него так нежно, что ему захотелось прямо сейчас подхватить ее на руки и унести куда-нибудь далеко, где они были бы совершенно одни. Он ласково пожал ее руку, лежавшую на подлокотнике.

В это время в зал вошел какой-то человек, одетый по-дорожному, и остановился в растерянности, оглядывая присутствующих. Поколебавшись, решился, подошел к Люиню и с поклоном передал ему какое-то письмо. Люинь прочел его, и даже издали было видно, как он побледнел. Велев вновь прибывшему следовать за собой, он поспешил к королю. Заметив, что происходит нечто странное, придворные начали перешептываться, танцы сами собой прекратились, понемногу затихла и музыка. Все смотрели на короля, читавшего письмо. Окончив читать, Людовик поднял глаза от бумаги, обвел взглядом зал и коротко произнес:

– Господа, я получил донесение от губернатора Блуа. Минувшей ночью королева, моя мать, бежала из замка и укрылась во владениях герцога д’Эпернона.

На этом король быстрым шагом направился к выходу.

С минуту в зале длилось оцепенелое молчание, а затем все зашумели, засуетились и побежали собираться. Солнце не успело еще скрыться за горизонтом, а карета за каретой уже мчались по дороге из Сен-Жермена в Париж.

– Я, нижеподписавшийся Арман Жан дю Плесси де Ришелье, епископ Люсонский, находясь в здравом уме и твердой памяти, в присутствии нотариуса, мэтра Жака Тиссандье из Авиньона, составил нижеследующее завещание седьмого дня марта 1619 года от Рождества Христова...

Секретарь Мишель Ле-Маль обмакнул перо в чернильницу и выжидательно посмотрел на Ришелье. Исхудавшее и пожелтевшее лицо епископа с ввалившимися щеками и запавшими глазами тонуло в подушке, костлявая рука безжизненно лежала поверх одеяла. Из щели меж тонких губ долетал тихий, еле слышный голос:

– Завещаю похоронить себя в кафедральном соборе Люсона, коему оставляю свое столовое серебро, церковное облачение и три фландрских настенных ковров... Основанной мною семинарии завещаю свою библиотеку и наличные деньги в сумме одной тысячи ливров... Это все, что я могу ей передать, ибо никаких иных средств не имею...

Анри де Ришелье на цыпочках вошел в комнату и тихонько притворил за собой дверь.

– Ну что? Как он? – спросил маркиз у камердинера Дебурне.

– Да плох, плох, – шепнул тот, покачав головой. – Утром доктор приходил, кровь отворял. Вот, завещание пишут...

В тишине раздавался только скрип гусяного пера по бумаге. Вдруг со двора послышался стук привратного молотка. Дебурне поспешно вышел.

Вскоре в прихожей зазвучал громкий басовитый голос, с которым пытался спорить тенорок Дебурне. Однако его возражения силы не возымели, тяжелые шаги протопали прямо к двери, которая распахнулась, явив взору присутствующих большую фигуру в засыпанном снегом плаще на меху.

– Куда! Куда! Нельзя к нему! – все еще увещевал пришельца камердинер. – Плащ хотя бы снять извольте! – сдался он наконец.

Незнакомец скинул ему на руки плащ и остановился на пороге.

– Неужто и в самом деле плох? – нерешительно пробасил он, глядя на восковое лицо Ришелье.

Тонкие голубоватые веки епископа затрепетали, он приоткрыл глаза.

– Кто здесь? – спросил он еле слышно.

Незнакомец подошел к постели. Ришелье взгляделся в его лицо.

– Господин дю Трамбле? – произнес он голосом, задрожавшим от надежды.

– Ну, слава Богу, узнали! – обрадовался гость. – А я ведь двести лье без остановки к вам скакал, да по такой-то погоде! Вот. – Он полез куда-то за пазуху, извлек оттуда запечатанное письмо и передал секретарю.

Ле-Маль взломал печать, пробежал письмо глазами.

– Король приказывает вам немедленно покинуть Авиньон и прибыть в Ангулем, где вас ожидает королева-мать, – произнес он неуверенным голосом, не совсем понимая, что происходит.

То же недоумение отразилось на лице Ришелье.

– Королева-мать изволила две недели тому назад бежать из Блуа, – пояснил дю Трамбле. – Суматоха тогда поднялась, на Люине лица не было – поди узнай, что у ее величества на уме.

Дю Трамбле оглянулся и поискал взглядом стул. Нотариус живо вскочил и уступил ему свое место.

– Восемь дней в седле, ноги не держат, – как бы извиняясь, сказал гонец, уселся и продолжил рассказ.

– После того как королева лишилась мудрого советника в вашем лице, – дю Трамбле слегка поклонился Ришелье, – рядом с ней возник очередной итальянский проходимец – некто аббат Руччелай из Флоренции. Он-то и стал вбивать ей в голову мысли о том, чтобы вернуть себе прежнюю роль – слыханное ли дело, чтобы мать короля была изгнана из Государственного совета! Но как ее вернешь? Король предпочитает держать матушку на расстоянии, в Блуа под охраной. Остается бежать! А куда? Руччелай сунулся было к герцогу Бульонскому, но тот поостерегся играть с огнем – мол, годы уже не те. А вот герцог д'Эпернон оказался сговорчивее: он был обижен, что власть его урезали, а еще пуще, что сыну его, архиепископу Тулузскому, до сих пор кардинальскую шапку не пожаловали. Так что королева укрылась у него в Ангулеме и прислала королю письмо: мол, мое место подле вас, прогоните Люиня, все зло от него, и заживем по-прежнему, душа в душу. А не то – во Франции найдутся благородные дворяне, способные постоять за свою государыню. Король наш нраву горячего, хотел было тотчас собирать войска и идти на матушку войной. Да только Люинь совсем другого склада – ему лишь бы тишком, да молчком, да без драки. Канцлер Силлери, хоть Люиня и не любит, тоже воевать отсоветовал. Тем временем брат мой, отец Жозеф, поговорил с Деажаном о вас. Деажан подступил к королю: есть, мол, лишь один человек, который заставит вашу матушку образумиться. Вот и пришлось мне в ваши палестины добираться!

Ришелье попытался сесть на постели. Брат Анри и секретарь поддержали его и подложили под спину подушки.

– Можете идти, мэтр, мы с вами закончим позже, – тихо, но твердо сказал Ришелье нотариусу. Тот откланялся и удалился.

Умиравший епископ совершенно преобразился. В него словно вдохнули искру жизни, глаза загорелись. Немного посидев и словно собравшись с силами, он отбросил одеяло и спустил ноги с постели.

– Ну, что стоишь? Одеваться! – приказал он камердинеру.

Тот оторопел. Ришелье сделал нетерпеливый жест рукой.

– Может, и правда повременить? – неуверенно предложил дю Трамбле, чувствуя себя несколько неловко.

– Одеваться! – повторил Ришелье. – И принеси нам что-нибудь поесть. Дорога дальняя. Дебурне ушел, пожимая плечами и хлопая себя руками по бокам.

Через два часа карета уже увозила ожившего епископа из Авиньона.

Глава 5. Примирение

Двери распахнулись, горничные присели в реверансе – в спальню госпожи де Люинь вошла Анна Австрийская. Мари попыталась было приподняться на постели, но Анна остановила ее быстрым жестом:

– Лежи, пожалуйста, лежи!

Она подошла и села на табурет рядом с кроватью. Мари слабо улыбнулась королеве из пышных подушек.

– Ну, как ты? – спросила Анна, участливо глядя на ее бледное лицо с голубыми тенями под глазами.

Мари сделала знак рукой, одна из горничных вышла и вскоре вернулась в сопровождении кормилицы, которая несла на руках спеленутого младенца.

Анна живо вскочила и заглянула под уголок кружевного кокона.

– Боже мой, какая красавица! – воскликнула она, в умилении глядя на сморщенное красное личико с почмокивающим во сне ротиком. – Вся в мать!

– Я назову ее Анной! – сказала Мари, с улыбкой наблюдая за этой сценой.

Королева еще немного полюбовалась младенцем и снова села на табурет. Кормилица унесла ребенка.

– Ты знаешь, – увлеченно заговорила Анна, – я много думала нынче ночью: твоей дочери ведь необходима хорошая партия.

Мари рассмеялась:

– Что вы, ваше величество, об этом думать еще слишком рано!

– Вовсе нет! – живо возразила королева. – Вот послушай: я полагаю, ей лучше всего подойдет сын герцога де Жуаёза. Если ты согласна, я с ним поговорю. Нужно будет еще как следует обдумать брачный договор, но с этим пока время терпит...

Мари смотрела на нее ласково и нежно, но как-то по-взрослому, почти по-матерински, и под этим взглядом Анна смутилась и замолчала.

– Страшно было? – робко спросила она немного спустя, почти шепотом.

– Да нет, не страшно, – раздумчиво ответила Мари. – Немного больно, конечно, но страшно – нет... Это же от любви, а все, что от любви, прекрасно.

– А я, наверное, все равно бы боялась, – призналась ей Анна. – Ведь так часто умирают...

Она осеклась, вспомнив, что и мать Мари умерла родами. Но та ободрила ее теплым взглядом.

– Не нужно думать о плохом, вот и все. Это всего лишь испытание, которое несет нам любовь. И если мы пройдем его, она вознаградит нас за терпение и веру и снова даст вкусить своих радостей. Ни в коем случае нельзя показывать любимому мужчине, что тебе страшно или больно, не то потом он поостережется снова лечь с тобой в постель, чтобы это не повторилось.

Мари оживилась и приподнялась на локте.

– Я сейчас пишу трактат о любви, – сообщила она. – Наподобие Монтеня, что мы читали вместе. Но только Монтень – мужчина, ему не понять, что чувствует женщина, чего она ждет от любви. И уж конечно, ему ни разу не доводилось рожать!

– Ты неисправима! – Анна со смехом всплеснула руками. – Но вообще, – она снова посерьезнела, – мне все-таки страшно думать об этом. Мой Людовик так любит меня, даже на охоту не ездит, чтобы побыть вдвоем... И я его тоже люблю... Но все ждут от нас ребенка. Бентиволь вчера опять спросил меня с лукавой улыбкой, что поделявает дофин...

– Ну и что же поделявает дофин? – Мари снова откинулась на подушки. Анна порозовела от смущения.

– Я все думаю... А вдруг... если я наконец произведу на свет дофина, он отвернется от меня? Понимаешь, когда все вокруг только и твердят тебе, что про наследника, появляется такое чувство, будто все твое предназначение – только в этом, а я... я... – Анна была готова расплакаться. Мари потянулась к ней и ласково коснулась своей рукой.

– Ну что вы, что вы! – увещевала она королеву. – Ведь ваша свекровь родила королю шестерых детей, и он бы сделал ей еще столько же, если бы его не убили!

В этот момент в комнату вошел Люинь. Завидев королеву, он низко поклонился, широко взмахнув шляпой с пышным белым пером. Анна встала, приветствовала его учтивым кивком и, пожелав Мари поскорее поправляться, пошла к двери. Люинь посторонился, чтобы дать ей дорогу. Оглянувшись на пороге, Анна перехватила пламенно-нежный взгляд, который Мари устремила на мужа, и, смутившись, быстро ушла.

Заседание совета было в разгаре, когда Марии Медичи доложили о прибытии епископа Люсонского. Мария просияла и велела тотчас его просить. Остальные участники совета недовольно переглянулись. На какое-то время в зале повисла томительная, напряженная тишина, пока, наконец, в дверях не появилась худошавая фигура епископа. Ришелье был одет в мирское дорожное платье, шляпу держал в руке. Шесть пар глаз устремили на него свой взгляд: королева-мать – полный радостной надежды, Ручেলাи и Шантелуб – сумрачно-враждебный, старый герцог д'Эпернон – недоверчивый, его сыновья, маркиз де Лавалетт и архиепископ Тулузский – испытующий. Заметив это, Ришелье учтиво, но сдержанно поклонился.

– Мы очень рады видеть вас, Люсон, – заговорила королева. Ришелье внутренне усмехнулся: это «мы» было слишком широким обобщением. – Было бы лучше, если бы вы присоединились к нам прямо сейчас, но я вижу, вы утомлены дорогой. Ступайте отдохните. Вас проводят в отведенные вам комнаты.

– Вы очень добры, ваше величество. – Ришелье снова поклонился, но уже ей одной. – Я и сам хотел смиренно просить вас о том же.

Едва епископ ушел, как за столом совета разгорелся спор о том, можно ли ему доверять. Ручেলাи, яростно жестикулируя, доказывал: «после всего, что было» – нельзя. Мария защищала Ришелье.

– Если бы не он, я бы сейчас, верно, чахла в монастыре. Еще неизвестно, как бы все повернулось, если бы нас не разлучили. А ваши советы привели меня сюда! – запальчиво выкрикнула она.

Ручেলাи уже набрал в грудь воздуха, чтобы ответить, но осекся под тяжелым взглядом д'Эпернона. В самом деле, положение герцога было еще сложнее: король лишил его всех титулов и должностей и практически был с ним в состоянии войны. Хлопнув ладонью по столу, Мария закрыла заседание совета. Едва дождавшись, пока все откланяются и разойдутся, она поспешила к Ришелье.

Епископ боком сидел в кресле, опершись на подлокотник и устало прикрыв глаза рукой. Дебурне вместе с другим слугой распаковывали и раскладывали вещи. При появлении королевы Ришелье привстал, но Мария жестом велела ему оставаться на месте. Она присела на стул и осведомилась, как епископ перенес дорогу.

– По правде сказать, тяжело, – ответил тот. – Двадцать дней в пути, в самую распутицу... К тому же меня арестовали в Лионе.

– Арестовали?!

– Представьте себе! По обвинению в государственной измене, хотя у меня при себе было письмо короля. Ночь пришлось провести в караульной. По счастью, утром приехал губернатор д'Аленкур, узнал меня и отпустил.

Задав еще пару вежливых вопросов, ответы на которые ее не интересовали, королева принялась рассказывать историю своего побега. Она не могла усидеть на месте и ходила по

комнате, бурно жестикулируя. Ришелье слушал, полуприкрыв глаза и слегка покачивая головой. Виновником всех бед Мария называла Люиня. Она с таким праведным гневом обличала произвол временщика, забравшего власть над ее сыном, будто сама семь лет не была игрушкой в руках итальянского авантюриста и его жены. По словам королевы, единственным ее желанием было воссоединиться с сыном и жить с ним в любви и согласии. Обо всем этом она писала королю, а также в памфлетах, которые печатались и распространялись от ее имени, но Людовик в ответ лишь занял Блуа и прислал ей короткое послание, сообщая, что непременно вырвет ее из рук коварного похитителя д'Эпернона. Закончив свой эмоциональный рассказ, Мария спросила, что обо всем этом думает Ришелье.

– Я могу лишь повторить вслед за Сократом: «Я знаю, что ничего не знаю», – уклончиво ответил тот. – Я столь долго находился вдали от дел, что мне требуется время, чтобы во всем разобраться. Если вы позволите, я желал бы присутствовать при заседаниях совета, но ни в коей мере не намерен вмешиваться в его решения.

Поняв, что пока ей ничего не добиться, королева отступила.

Ришелье исправно посещал заседания совета, практически ничем не обнаруживая своего присутствия. Он слушал и молчал. Ситуация стала ему ясна. Во-первых, он понял, что Руччелаи – звонкий, но пустой бубен, Шантелуб – честолюбец, готовый лезть вверх по головам, д'Эпернон – усталый старик, раскаивающийся в том, что ввязался в эту авантюру и тревожащийся за будущность своих сыновей, а его сыновья здесь лишь потому, что не хотят бросить отца в тяжелую минуту. У Марии же собственного мнения нет вообще, она хочет одного – власти, причем немедленно и любой ценой. Во-вторых, он узнал, что в распоряжении мятежников – всего пять-шесть тысяч человек пехоты и восьмьсот-девятьсот всадников, которых с грехом пополам удалось собрать д'Эпернону. Королева и так уже вся в долгах, на большее денег нет. К тому же все, к кому она обращалась за помощью, поддержать ее отказались, в том числе гугеноты, припомнившие ее дружбу с Испанией. Руччелаи кипятился и предлагал какие-то невероятные планы, но даже Мария досадливо морщилась. Она, наконец, вплотную подступила к Ришелье, требуя высказать свое мнение. Тот ответил, что, на его взгляд, наличных сил недостаточно и лучше подумать о переговорах. Королева отличалась упрямым характером, ей требовалось время, чтобы перейти от одной мысли к другой. Но после окончания совета Ришелье переговорил с д'Эперноном и заручился его полной поддержкой.

В Ангулем прибыли парламентарии короля – старая лиса де Бетюн и аббат де Берюль. При виде своего бывшего покровителя Ришелье почувствовал некую ревнивую тревогу: де Берюль славился своим даром убеждения и успешно обращал гугенотов в католичество. При этом он был совершенно бескорыстен и нечестолюбив, даже отказался от епископского сана. Не приходилось сомневаться, что он запросто уговорит королеву пойти на заключение мирного договора на любых условиях, но ведь заслуга примирения матери с сыном должна принадлежать Ришелье, и только ему!

На срочно созванном совете слово взял де Бетюн. Он сообщил, что король, разгневанный похищением своей матери, хотел немедленно покарать обидчиков, однако его удержал от этого шага главный советник де Люинь, заявив, что, вероятно, это он, не желая того, чем-то прогневил королеву-мать, хотя и не знает за собой никакой вины. А посему нужно спокойно во всем разобраться, дабы истина восторжествовала. (Ришелье спрятал улыбку: Люинь – поборник истины? Просто струсил, вот и заюлил.) Тем не менее, продолжал де Бетюн, король требует прекратить печатание оскорбительных памфлетов, поскольку, раня его слуг, они причиняют боль ему самому. Кроме того, он требует распустить войска. В случае неповиновения на мятежников выступят три королевские армии – в Шампани, чтобы к ним не пришла помощь из Лотарингии, в Гиени, чтобы сковать силы гугенотов, и, наконец, в Пуату, под командованием самого короля, который поведет ее прямо на Ангулем. Помощи от Испании ждать не приходится, ибо испанский посол Хирон рекомендовал Филиппу III соблюдать нейтралитет.

Речь посла была выслушана в ледяном молчании, и по ее завершении все разошлись. Де Берюль испросил разрешения переговорить с королевой-матерью, и под беспокойным взглядом Ришелье они удалились в ее апартаменты. Сам же епископ предложил де Бетюну прогуляться, чтобы побеседовать с ним без свидетелей.

Де Бетюну стукнуло шестьдесят, однако он был еще крепок и здоров душой и телом. Он был опытный дипломат, но, почувствовав в Ришелье своего, говорил с ним довольно откровенно – разумеется, в меру допустимого. При дворе бродит молодая кровь, сам король рвется в бой, даже одиннадцатилетний Гастон хочет участвовать в сражениях. Юные принцы Суассон и Вандом грезят о лавровых венках победителей. Но в этом-то и загвоздка: доверить им армию опасно, наверняка они будут соперничать и стараться превзойти друг друга в удалстве. Более опытные полководцы, например герцоги де Гиз и Бульонский, тоже ненадежны: еще неизвестно, не переметнутся ли они на другую сторону, получив под свое командование войска. Да и время сейчас смутное.

Вернувшись с прогулки, Ришелье и Бетюн еще с порога услышали громкие голоса: между Ручелаи и д'Эперноном разгорелась бурная ссора. Итальянец петухом насккивал на старого герцога, обвиняя его в трусости. Тот затрясся от незаслуженной обиды; маркиз де Лавалетт выхватил шпагу, вступившись за отца, и неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы подоспевшие Ришелье и Шантелуб их не разняли.

На следующий день к королевским посланцам прибыло подкрепление в лице кардинала де Ларошфуко. Переговоры возобновились, Мария была уже готова уступить – но на своих условиях! – когда произошло событие, ускорившее исход дела. Маршал Шомберг без боя занял Юзерш (жители сами раскрыли ему ворота) и стоял в двух переходах от Ангулема. Ручелаи призывал немедленно идти навстречу Шомбергу и дать ему бой; д'Эпернон заявил, что опасности никогда не боялся, но на самоубийство не пойдет, и покинул зал совета. Мария Медичи, в полном смятении чувств, также ушла к себе.

Она оцепенела. Сидела в кресле, глядя в одну точку, и не могла ни о чем думать. Утекали секунды, сливаясь в минуты, а она не двигалась, не шевелилась.

Вдруг распахнулась дверь, и в комнату влетел Ручелаи. Прошел к окну и остановился, нервно хрустя суставами пальцев. Его горбоносый профиль четко вырисовывался на фоне окна, глаза горели.

– Ваш герцог – ничтожество, – отрывисто сказал он, повернувшись к Марии, – бездарность, тряпка. Самой большой нашей ошибкой было поручить ему командование.

Мария молчала. Ручелаи метнулся к ней, сел на скамеечку у ног, заговорил пылко, страстно, глядя на нее снизу вверх:

– Еще не все потеряно! Надо отступить в Сент, потом в Бруаж, оттуда отплыть в Англию! Король Англии вдов, предложите ему свою руку, и вы вернетесь в Париж государыней двух королевств!

Мария посмотрела на него так, словно он был некогда пышным нарядом, извлеченным из сундука и сильно потраченным молью.

– Подите вон! – брезгливо сказала она.

Парламентеры отбыли в Париж с вариантом мирного договора, содержащим условия Марии Медичи. Они были приняты Людовиком XIII с незначительными изменениями, и тридцатого апреля королева-мать поставила под договором свою размашистую подпись. Король даровал полную амнистию матери и ее сторонникам, уплатил шестьсот тысяч ливров ее долгов, оставил за ней все прежние доходы и предоставил управление Анже, Пон-де-Се и Шиноном в обмен на наместничество в Нормандии (которое, разумеется, отошло к Люиню). Ришелье предложили на выбор главенство в совете королевы или возвращение в его епархию. Он скрипнул зубами, узнав руку Люиня, однако смиренно заявил, что хотел бы служить коро-

леве-матери. Возглавив ее совет, он быстро добился назначения своего брата Анри военным губернатором Анже. В Шинон отправился Шантелуб.

В четверть третьего Людовик нетерпеливо взбежал по лесенке, ведущей в покои Люиня, и распахнул дверь.

– Ну что же, наконец! – воскликнул он и осекся, увидав Мари, которая охорашивалась перед зеркалом.

Король невольно залюбовался молодой женщиной, красота которой расцвела еще больше, подобно розе, развернувшей лепестки и источавшей дурманный аромат. Людовик решительно подошел, обнял Мари и расцеловал ее в обе щеки.

– Надеюсь, мне простится эта дерзость, – сказал он весело, все еще держа ее за плечи, – но я не мог удержаться, чтобы не выразить таким образом свой восторг перед вашей красотой.

– Дерзость? – Мари кокетливо склонила головку набок. – Что вы, ваше величество, любая ваша подданная почтет за счастье стать вашей любовницей!

– В таком случае, – продолжал Людовик шутливым тоном, но сняв руки и чуть-чуть отступив назад, – им следует знать, что я готов любить их всех, но только до пояса.

– В таком случае, – подхватила Мари, – они все станут подпоясываться ниже бедер!

Король не нашелся, что сказать, и посмотрел на нее как-то странно, но тут, к счастью, появился Люинь, и все трое пошли вниз, туда, откуда доносилось гудение толпы.

В большом зале Лувра давали балет «Приключения Танкреда в заколдованном лесу». Представление устраивал Люинь в честь его величества. Фаворит заметно волновался: как-то все пройдет? Он задержался в приемной, превращенной в грим-уборную, чтобы отдать последние распоряжения; Мари тоже осталась там: она должна была появиться на сцене в роли Клоринды.

Зал был освещен двумя сотнями факелов, стены увешаны прекрасными гобеленами. Сцена, покрытая восточным ковром, располагалась в глубине, примыкая к приемной королевских апартаментов. Под ней разместились музыканты.

Вся лестница, ведущая на второй этаж, и коридор были запружены людьми. Людовик, как обычно, разослал больше приглашений, чем было мест, полагая, что придут не все, однако королевские балеты давались не столь часто, поэтому ни один билет не пропал. Парижане просачивались сквозь охрану, устраивая в дверях страшную давку.

Король с трудом продирался сквозь толпу к своему месту напротив сцены. Дюжий мушкетер прокладывал ему путь, но силы были неравны. Вдруг Людовик почувствовал, что его схватили сзади. Он гневно обернулся и увидел какую-то девушку, уцепившуюся за его штаны.

– Если вы пройдете, то и я смогу, – объяснила она свое поведение.

Король расхохотался и стал пробираться дальше.

Анна Австрийская уже сидела в своем кресле. Людовик сел рядом и нежно пожал ей руку. Кресла для принцев и принцесс также не пустовали, остальные придворные расселись на банкетках и шелестели брошюрками с либретто. Увидев, что король пришел, руководитель оркестра взмахнул смычком, и барабаны торжественно ударили вступление.

На сцену вышел актер и протяжным речитативом стал декламировать стихи, поясняющие сюжет спектакля. Иерусалим снова в руках у неверных, захвачен нечестивым Саладином. Отважный рыцарь Танкред должен отвоевать город христианских святынь.

Поднялся занавес, и взору зрителей предстал дремучий лес. Воины-христиане пытались валить деревья, чтобы построить машины для осады Иерусалима, но чародей Исмен, союзник Саладина, напустил на них своих подручных – сатиров и дриад. Но вот появился Танкред – Кадене со своими рыцарями и стал сражаться с исчадиями ада. Под тревожные звуки труб и рокот барабанов черти носились по сцене в диком танце. Откуда-то снизу появились Плутон и Прозерпина с факелами в руках. Плутон поджег венец Прозерпины, и всем последующим

волшебным существам, возникавшим по трое, она передавала свой адский огонь. Ритм танца нарастал, музыка становилась все громче, языки пламени вспыхивали то тут, то там, пока весь лес не запылал, рассыпая искры. Среди зрителей раздалось испуганные вскрики, но на самом деле пожар был делом рук искусного пиротехника.

Занавес упал под бурные аплодисменты. Пока менялись декорации, на сцену снова вышел чтец и стал рассказывать о несчастной любви Танкреда к прекрасной сарацинке. Наконец он ушел, и зрители увидели Мари в образе Клоринды, ставшей пленницей волшебного кипариса. Вбежал Кадене – Танкред и стал делать вид, что тщетно кого-то разыскивает. Затем замер в скорбной позе и принялся декламировать любовные стихи под нежные переборы лютни. Анна Австрийская слушала трепетно, слегка подавшись вперед, ловя каждое слово. А Людовик заскучал и даже украдкой зевнул. Заметив это, бдительный Люинь, сидевший позади и чуть сбоку, сделал знак своему брату, тот закруглил монолог и поскорее освободил Мари из плена. Они вдвоем проделали несколько изящных па под аккорды гитар и удалились рука об руку. Эта сцена вызвала восторг прежде всего у дам.

Следующая картина представляла храм освобожденного Иерусалима. Под звуки скрипок и виол откуда-то сверху спустились ангелы, певшие хвалу крестоносцам и славившие Бога. Наконец, в финале был исполнен торжественный танец победителей, а хор в это время пел гимн в честь короля и его фаворита.

Король был доволен. По окончании спектакля он поблагодарил авторов, музыкантов и актеров, а затем подозвал к себе пиротехника и завел с ним долгий профессиональный разговор.

– Да, удача ведь как женщина: сегодня она с вами ласкова, а завтра – глядишь, и ушла к другому, – разглагольствовал Руччалаи, убирая кости в стакан. Маркиз де Темин, капитан гвардейцев королевы, мрачно смотрел, как он сгребает со стола его денежки, и напряженно думал, у кого бы перехватить в долг, чтобы не идти к ростовщику.

– Именно так, – притворно вздохнул Руччалаи, затаив кошелёк. – Взять хотя бы нашу королеву. Еще вчера она осыпала милостями своих верных друзей, бросивших все на свете, рискнувших жизнью, чтобы вернуть ей честь и могущество, но стоило явиться этому епископу – уж не знаю, чем это он ее задобрил, – как все стали плясать под его дуду. И вот уже его братец, не прославившийся ничем, кроме попоек и потасовок, получает место военного губернатора, уготованное вам, человеку в высшей степени достойному, чья доблесть всем известна...

– Мне? – Де Темин словно очнулся и пришел в себя. – Так вы говорите...

– Да-да. – Руччалаи снова вздохнул, опустив глаза. – Что значат заслуги, личная преданность перед капризом фортуны...

Де Темин грохнул обоими кулаками о столешницу. Ну, это уж слишком! Военный губернатор Анже! Да получи он эту должность, он бы расплатился со всеми долгами, завел собственный выезд, женился...

Судьба в самом деле пребывала в тот день в игривом настроении: дверь распахнулась, и на пороге появился Анри де Ришелье. Он был весел, одет с иголочки, все, от каблучков до кончика пера, на нем было новое и добротное.

– Хозяин, круговую! – крикнул Анри. – Я угощаю!

Это заявление было принято с шумом одобрения. Две дочери хозяина, зажав в каждой руке по три бутылки с вином, стали обходить столы. Де Темин стиснул зубы, так что на скулах заходили желваки, и вскочил с места, опрокинув стул.

– А я пить не стану! – с вызовом заявил он.

Голоса смолкли, все взгляды с удивлением обратились на него. И вот уже в напряженной тишине, которая с каждой секундой все густела и накалялась, протянулась невидимая ниточка, связывавшая двух противников и точно подтягивавшая их друг к другу.

– Извольте объясниться, сударь, – сказал Анри, нахмурясь.

– Непременно! – воскликнул де Темин, все более свирепея. Его просто била дрожь. – Я не желаю принимать подачек от человека, отнявшего у меня должность, и славного лишь тем, что его брата часто принимают в спальне королевы!

Маркиз де Ришелье рванулся вперед, отшвырнув в сторону попавшийся на дороге табурет.

– Вы заплатите за эти слова, сударь!

– Охотно! Когда вам будет угодно!

– Сейчас! Немедленно!

– Извольте! – И Темин пошел к двери. Анри двинулся за ним.

Во дворе они отвязали коней и, не говоря друг другу ни слова, сели верхом и поскакали. Дома мрачно провожали их подслеповатым взглядом окон, прикрытых ставнями. Темин знал все улочки и переулки как свои пять пальцев, Ришелье оставалось лишь следовать за ним. Очень скоро они очутились за городской чертой, и, выбрав укромное место, Темин спрыгнул с коня.

Противники обнажили шпаги и встали в позицию. Ришелье тотчас начал нападать, тесня врага, Темин отступал и после трех-четырех выпадов соперника вдруг бросился бежать. Анри погнался за ним, Темин укрылся за своим конем и, когда Анри подскочил ближе, ловким ударом поразил врага прямо в сердце. Тот на секунду замер, словно не понимая, что произошло. Но вот кровь отлила от его лица.

– Господи, прости м... – успел он прошептать, затем колени его подогнулись, и он ничком упал на землю...

Когда епископу Люсонскому принесли записку, извещавшую его о смерти брата, он рухнул на пол как подкошенный. Его перенесли на кровать, раздели, стали брызгать в лицо водой, растирать руки, виски... Он пришел в себя, но остался лежать, знаком велев всем удалиться. Три дня и три ночи он лежал, отворотившись к стене, не произнося ни слова, ни звука. Дебурне сам спал с лица, трижды в день унося из его комнаты подносы с нетронутой едой. Наконец на третьи сутки Ришелье сел на постели и спросил себе стакан молока. Выпив его, он поднялся, побрился, оделся и отправился к королеве. В тот же день Ручелаи прогнали с глаз долой, а военным губернатором Анже стал дядя Ришелье по матери, Амадор де Ла-Порт.

Двадцать пятого августа, в день Святого Людовика, в Париже устраивали фейерверк. Между Лувром и Нельской башней реку перегородили лодки: с них и с набережных запускали шутихи. Оба берега Сены почернели от народа; каждый залп приветствовали бурными криками и радостными воплями; где-то нестройно пиликали скрипки, парижане пели и танцевали – веселились.

Как обычно, король лично участвовал в празднике: подобно канониру, он стоял на берегу с зажженным фитилем в руке перед батареей из шутих, многие из которых сделал собственноручно. Анна Австрийская и Мари де Люинь держались несколько поодаль. При каждом залпе они взвизгивали и затыкали уши, а потом радостно смеялись и хлопали в ладоши, глядя, как в синем вечернем небе рассыпаются золотые и серебряные брызги, как вертятся, шипя, «чертовы колеса». В момент затишья Мари приблизилась к королю и, прикрываясь веером, сказала ему игриво:

– Ваше величество, вы сегодня поразительно невнимательны к вашей супруге.

Людовик вскинул брови, а затем нахмурился, не понимая, откуда ждать подвоха.

– Вы совершенно не обратили внимания на букет, который она держит в руках, – продолжала Мари.

Людовик бросил быстрый взгляд на королеву, которая теребила букетик белых ирисов. Букет как букет. Что в нем такого особенного?

– Так вам не знаком язык цветов? – удивленно произнесла Мари, словно прочитав его мысли. – Ирис означает: «Я имею что-то вам сообщить».

– И ч-ч-что ж-же... – Как всегда, от волнения король начал заикаться.

– Подите и спросите сами. – Мари сложила веер и повернулась на каблуках.

Людовик подошел к Анне и взял ее за руку с букетом. Анна покраснела и потупила глаза, потом снова подняла их на мужа.

– Мне кажется, я теперь уверена... и врач подтвердил... у нас будет ребенок.

Король задохнулся от радости. Он схватил обе руки жены и стал покрывать их поцелуями. Букетик упал наземь и рассыпался. А потом в небо над Парижем взлетели пять, десять, двадцать шутих...

Подписав договор о мире с сыном, Мария Медичи не спешила с ним увидеться и отказалась ехать в Париж. Это невероятно тревожило Люиня: он предлагал встретиться на «нейтральной территории», например в Туре или Ангулеме, но получал уклончивые ответы. Тогда Люинь стал взывать о помощи к Ришелье, который, постепенно вводя в ближайшее окружение королевы своих ставленников и вытесняя оттуда «чужих людей», забрал над Марией Медичи прежнюю власть. Ришелье тоже не торопился: он ведь должен был «свершить чудо», а для чуда главное – верно выбрать момент. Наконец Мария ответила согласием на письмо Людовика с предложением о встрече. Местом королевского свидания был выбран Кузьер – замок, входивший в приданое Мари де Роган.

Спустился вечер, когда впереди показалась замшелая крепостная стена из темного камня. Ворота раскрыли, и карета королевы покатила по центральной аллее. Вот и замок: две круглые башни с коническими верхушками по краям скромного фасада. У крыльца стоял де Люинь со своим тестем, герцогом де Монбазоном.

Едва королева вышла из кареты, как Люинь бросился к ее ногам с пылкими уверениями в своей преданности.

– Ах, оставьте красивые слова ради правдивых, господин де Луинь, – с досадой сказала королева. Тут она вспомнила, что ей надлежит играть свою роль, и продолжала уже несколько иным тоном: – Я знаю, что вы всегда были порядочным человеком и что король, мой сын, никогда не находился в лучших руках; поэтому он прав, что любит вас, и я тоже люблю вас от чистого сердца. Я больше не хочу вспоминать о том, что произошло, как будто никогда и не разлучалась с сыном.

Люинь поднялся с колен, Мария сделала вид, что поцеловала его, но на самом деле лишь приблизила губы к его щеке, а затем прошла в дом, обменявшись полупоклоном с герцогом де Монбазоном. Люинь же поспешил доложить обо всем королю.

На следующий день, пятого сентября, Мария Медичи с утра отправилась в часовню при замке и жарко и истово молилась. Около десяти туда явился де Бренн и сообщил, что король ожидает ее. Королева поднялась с молитвенной скамеечки и поспешила к выходу.

Вдоль всей большой аллеи Кузьера стояла плотная толпа придворных. Королева шла, поддерживаемая под руки де Бренном и де Бетюном, позади следовали Ришелье и вся ее свита. Завидев Людовика, направлявшегося ей навстречу с другого конца аллеи, Мария сняла черную бархатную полумаску, которую носила почти постоянно, первой подошла к сыну и трижды поцеловала его: в губы и в обе щеки.

– Добро пожаловать, матушка. Мне жаль, что мы не увиделись ранее, ибо я давно ожидал вас, – произнес Людовик затверженную фразу.

Мария молча разглядывала сына. Они не виделись более двух лет. Подбородок ее задрожал, из глаз потекли слезы.

– Вы так похорошели, сын мой, – прошептала королева, сдерживая рыдания. – Так выросли, возмужали...

Что-то дрогнуло в душе Людовика, он крепко обнял мать и замер так, закрыв глаза, боясь прослезиться самому. Придворные же слез не скрывали; в руках у дам замелькали платочки, которые они то и дело подносили к глазам, кавалеры размахивали шляпами, отовсюду неслись восторженные возгласы, послышался хруст и треск: несколько человек, взгромоздившихся на старые вёты и буки, полетели вниз, потому что под ними подломились ветки. Это происшествие всех рассмешило, слезы высохли, и королевская семья (Анна Австрийская, Гастон и обе принцессы тоже присутствовали при встрече) отправилась на завтрак.

За завтраком Ришелье так напрягал слух, силясь разобрать, что говорят меж собой Людовик с матерью, что у него разболелась голова. Он был зол на музыкантов, расположившихся со своими лютнями и виолами почти что у него за спиной, зол на придворных, которые громко переговаривались и смеялись. Люинь сидел напротив и, похоже, испытывал те же самые неудобства.

– Я сожалею о том, что произошло, – говорил тем временем король. – В будущем мы должны всегда хранить дружбу и согласие. Попробуйте цыпленка в маринаде.

Мария улыбалась и любовалась сыном.

Наверное, волны, которые мысленно посылал Люинь, дошли до короля: он принялся уверять королеву, что Люинь всегда был ей добрым и верным слугой, и он ручается, что и в дальнейшем его советник будет выказывать к ней почтение и послушание.

Музыканты остановились передохнуть, и в этом минутном затишье Ришелье расслышал просьбу, с которой Мария обратилась к сыну. Она просила кардинальской шапки... для архиепископа Тулузского, сына герцога д'Эпернона!

Кровь зашумела в висках у Ришелье. Такого он не ожидал. Хотя... Странно было бы удивляться коварству и неблагодарности: честность и признательность со стороны правителей достойны удивления в гораздо большей степени. Он с трудом дождался окончания завтрака, не поднимая глаз от стола, чтобы не встретиться взглядом с Люинем.

На следующий день Люинь, плохо скрывая торжество, объявил Ришелье, что король намерен ходатайствовать перед Святым престолом о кардинальском сане для архиепископа Тулузского и просит его – его! – написать представление. Ришелье молча поклонился.

Глава 6. Новые тревоги

Двор провел еще несколько дней в Кузьере, потом перебрался в Тур. Время проходило в пирах и развлечениях, но обстановку нельзя было назвать сердечной. Мария Медичи, никогда не отличавшаяся дальновидностью и чувством такта, очень скоро начала предъявлять свои требования: вернуться в совет. У нее было на это право: королеве-матери полагалось участвовать в заседаниях Государственного совета, однако у Марии никогда не достало бы скромности играть там иную роль, кроме первой. Она не смогла бы держаться в тени, как ее мудрая предшественница и родственница – Екатерина Медичи, вдова Генриха II. Людовик слишком хорошо помнил то время, когда его водили на помочах, а потому всеми силами избегал матери и целыми днями пропадал на охоте. Люинь был этому несказанно рад: он сам боялся, что король подпадет под материнское влияние, что уменьшило бы его собственное, и всячески способствовал их отдалению. Ришелье, напротив, досадовал и на королеву-мать, и на короля: Мария Медичи должна была стать для него посохом, опираясь на который он пришел бы в Париж, а вместо этого оказалась палкой в колесе его кареты. Люинь опасался умного епископа, чувствуя его превосходство над собой. Между двумя фаворитами завязалась скрытая, подковерная борьба.

Между тем Мария, предоставленная самой себе и раздраженная тем, что осуществление ее намерений откладывается на неопределенное время, вымещала досаду на невестке. Ни одного дня не проходило без мелких стычек, уколов и неприятных сцен. Анна, уже привыкшая чувствовать себя первой во всем, не желала уступать, в ней взыграла испанская кровь. Людовик оказался между двух огней. Один раз за обедом разгорелась особенно бурная ссора по поводу того, кто должен занимать почетное место рядом с королем. Анна была совершенно уверена в своей правоте, поскольку по закону первенство принадлежит царствующей королеве, Мария же со свойственным ей упрямством гнула свою линию. Поставленный перед необходимостью немедленно и самостоятельно принять решение, чего он терпеть не мог, Людовик озлобился, скрепя сердце отдал преимущество матери, после чего буквально выбежал из замка, вскочил на коня, свистнул собак и умчался в лес. Анна пошла к себе, выгнала всех служанок, бросилась на постель и разрыдалась. Людовик же до темноты где-то пропадал, так что Анна не находила себе места от тревоги и выслала на дорогу факельщиков.

Наутро король явился к матери, объявил, что немедленно уезжает в Париж, и спросил, ожидать ли ее приезда. Ах, вот как? Она, выходит, только гостя в доме своего сына? Слава Богу, ей есть где голову преклонить! Мария в Париж ехать отказалась. В тот же день Людовик вихрем умчался в столицу, за ним потянулся длинный кортеж со свитой. Спустя пару дней поезд королевы-матери неспешно отправился в Анже.

Узнав об отъезде, Ришелье мысленно выругался не подобающим священнику образом и проклял взбалмошную бабу. Но сделанного не воротишь: ему вновь пришлось последовать за королевой-матерью, удаляясь от Парижа.

Не доезжая Анже, их встретил дядюшка Амадор де Ла-Порт во главе пышного эскорта из десяти тысяч человек. Жители города выстроились вдоль улиц, по которым следовал королевский кортеж, и приветствовали его восторженными кликами, женщины махали платочками, высунувшись из окон. Мария повеселела и приосанилась. Однако впоследствии выяснилось, что почет и уважение – это все, чем могут услужить ей ее подданные, а городской арсенал оказался совершенно пуст.

Ришелье поселился поблизости от резиденции Марии Медичи. Довольно скоро он получил письмо от Барбена: несчастного советника наконец выпустили из Бастилии, давняя просьба королевы была удовлетворена. Барбен обращался к нему как к старому другу, сообщал, что положение его отчаянное, и просил выхлопотать ему местечко в свите коро-

левы-матери. Ришелье послал ему немного денег и письмо, в котором дал понять, что в Анже его не ждут.

На Новый год король «лечил» золотушных в Лувре. Длинная вереница увечных, одетых в лохмотья людей, выставлявших напоказ свои сочащиеся или покрытые струпьями язвы, тянулась через двор в большую залу на первом этаже, где в другие дни устраивали балы. Людовик дотрагивался до них по очереди, произнося при этом: «Король коснулся тебя, Бог тебя исцелит». Это был древний обычай, обряд, который король совершал с раннего детства, так что уже привык к этой утомительной обязанности, избавившись от страха и брезгливости. Он даже отказался окунать руки в воду, где плавала кожура лимона. Людовик искренне верил в то, что делал, а потому совершенно не тяготился этой процедурой. Однако сегодня он выполнял все движения и шевелил губами машинально, поскольку мысли его были заняты совсем другим.

В декабре у Анны Австрийской случился выкидыш. Она очень сильно переживала, часто плакала, запиралась у себя в комнате и не хотела никого видеть. Людовик, как мог, пытался ее утешить, хотя, конечно, и сам был удручен. Теперь он и сам понял, что ему необходим наследник, чтобы упрочить свои позиции. Ситуация при дворе была далеко не безоблачной, а на горизонте, он чувствовал, опять собиралась грозовая туча. Летом Людовик сделал своего дорогого Люиня герцогом и пэром, затем – наместником в Нормандии, а с декабря – еще и губернатором Пикардии и соседних крепостей в Нидерландах. Непрекращающийся взлет фаворита вызывал откровенную враждебность у принцев крови и высшей знати, но король с упрямством, унаследованным, верно, от матери, продолжал ему покровительствовать. Кроме того, вернувшись в Париж после встречи с матерью, он велел освободить из Венсенского замка принца Конде, арестованного три года назад (не без участия Ришелье) за заговор против Кончини. Не ограничившись освобождением, Людовик выступил с заявлением о том, что Конде невиновен, всегда споспешествовал величию короля, а его арест был следствием дурных намерений тех, кто, злоупотребляя именем его величества, стремился погубить государство и его самого. Намек делался на самого Кончини, однако, как стало известно, королева-мать приняла его на свой счет и сильно разгневалась. Противники Конде при дворе сплотились в оппозицию Люиню, которому принадлежала мысль освободить принца. Люинь думал выслужиться перед знатью, а оказалось, навлек на себя гнев самых влиятельных людей: графини де Суассон, герцогов дю Мэна и де Лонгвиля, а также обоих Вандомов, сводных братьев короля, которые правили Бретанью. И если они все объединятся, то одними словами и подарками не отделаешься. Война? Что ж, ну и пусть. Повоюем.

...Шествие золотушных продолжалось уже несколько часов, король произнес сакральную фразу не менее четырехсот раз. В зале было душно, ноги затекли от долгого стояния, Людовик почувствовал дурноту. Стоявший поблизости придворный заметил, что король побледнел, подал знак, и слуга поднес чашу с вином, которым Людовик обтер руки и смочил себе виски. Придворный предложил закрыть ворота Лувра, но король помотал головой и продолжил обряд.

Первого января 1620 года в старом замке Сен-Жермен состоялось посвящение в кавалеры ордена Святого Духа, Великим магистром которого был сам король. Орден, принимавший в свои члены только представителей знатнейших дворянских родов и высшего духовенства, пополнился шестьюдесятью новыми рыцарями: Люинем и его друзьями. В ордене могло состоять не более ста человек, и кандидатам Марии Медичи было отказано.

Большая зала была ярко освещена. Король, в тяжелой парадной мантии, расшитой золотом и серебром, с голубой лентой через плечо и с орденом Святого Духа на золотой цепи, стоял на небольшом возвышении, покрытом ворсистым ковром с орнаментом из белых лилий. Рядом, на небольших подушечках, были приготовлены ордена для новых кавалеров: эмалевый крест с восемью шариками на острых концах, между лучами которого проглядывают золотые

королевские лилии, а в центре изображен летящий вниз серебряный голубь – символ Святого Духа. Один из них, уготованный Люиню, был на золотой цепи, состоящей из чередующихся лилий и монограмм Генриха III, основателя ордена; остальные – на голубой муаровой ленте. Все это ярко сверкало в свете факелов. Вдоль стен выстроились придворные.

У дверей расположился небольшой оркестр. Когда скрипки заиграли, а гитаристы удалили по струнам, двери распахнулись, и в залу вошли будущие кавалеры. Люинь первым подошел к королю, стал на одно колено и склонил голову. Людовик произнес полагающееся случаю напутствие, Люинь поклялся верно служить королю, быть ревнителем веры и выполнять обязанности рыцаря Святого Духа, после чего король возложил на него цепь с орденом. Люинь отошел в сторону, и его место занял другой. Церемония продолжалась торжественно и размеренно, когда вдруг послышался слабый шум и женский вскрик: Анна Австрийская упала в обморок.

Королеву перенесли в ее покои, она пришла в себя, но чувствовала сильную слабость и не могла подняться с постели. К вечеру у нее начался жар. Врач сделал кровопускание, но больной не стало лучше.

Людовик велел отслужить молебен в часовне при замке, а сам всю ночь провел у постели жены, меняя влажный компресс у нее на лбу и поднося питье. Под утро он забылся в кресле у кровати.

Новый день не принес улучшения в состоянии больной: Анна отказывалась от лекарств и не принимала пищи. Людовик стоял перед ней на коленях, держа ее за руку, плакал, не скрываясь, при всех и умолял принять снадобье. Но Анна, казалось, не слышала его: она стала метаться по подушке, вскрикивать, бредить. Ей снова пустили кровь.

Людовик послал гонцов в Париж, чтобы отслужили молебны в Сент-Шапель и других церквях, помолился Пресвятой Деве в часовне, принеся Ей обеты, а затем снова пошел к жене. Два дня он провел у ее постели, а две ночи – на жестком неудобном диванчике в прихожей. Он сам почти ничего не ел и ни о чем не желал слышать; щеки его ввалились, под глазами залегли тени. На третий день королеве стало немного лучше: она забылась тихим сном, а проснувшись, скушала несколько ложек куриного бульона. Врач уговорил поесть и короля, и постепенно тот вернулся к делам, хотя по несколько часов в день проводил в комнате больной.

Так прошло две недели. Болезнь отступила, но Анна все еще не вставала в постели. Каждый день Людовик приходил к ней утром, справлялся о ее самочувствии, отдергивал занавеси и говорил, что в такой замечательный день, как сегодня, она непременно поправится. Анна слабо улыбалась. В обед Людовик приходил снова и уговаривал ее попробовать какое-нибудь блюдо, которое он сам для нее приготовил: «Съешьте кусочек омлета, ну пожалуйста, прошу вас, хотя бы чуть-чуть! А вот это миндальное пирожное! К вам сразу вернутся силы, как только вы его попробуете!» Однажды вечером, перед сном, Людовик пришел с гитарой и исполнил для Анны песню собственного сочинения, в которой говорилось о том, что ее красота затмевает солнце. Когда он кончил петь, Анна вдруг схватила его руку и стала покрывать ее поцелуями вперемешку с горячими слезами. Людовик тоже не сдержал слез, и они вместе плакали и смеялись, и целовали друг друга, и шептали нежные, глупые слова...

На другой день королева встала на ноги. Король велел отлить из золота лампады и изображения Мадонн и отправить их в церкви Нотр-Дам-де-Лоретт и Нотр-Дам-де-Льеж.

Близился час обеда, королевский стол был уже накрыт, рядом с ним стояли принцы крови и пэры. В буфетной, смежной с обеденным залом, собрались остальные придворные. Король запаздывал: он был у жены. Наконец он появился – мрачный, погруженный в свои мысли – и сел за стол, ни на кого не глядя. Принц Конде элегантно жестом подал ему салфетку.

– Позвольте! – неожиданно воскликнул молодой граф де Суассон. – Честь подавать салфетку его величеству по праву принадлежит мне.

Протянутая рука короля замерла в воздухе. Конде вспыхнул, но быстро овладел собой. Придворные загудели, негромко высказывая друг другу свое мнение по поводу того, на чьей стороне правда. На ровном месте разгорелась ссора.

Суассон горячился, Конде возражал спокойно, весомо, снисходительно. Суассоны состояли в родстве с Бурбонами, восседавшими на троне, Конде же сам мог претендовать на французский престол. Кому же, как не ему, подавать королю салфетку!

Людовик томился. Опять ему нужно сделать выбор – немедленно, сейчас. Причем совершенно ясно, что, какое бы он ни принял решение, он рискует нажать себе врага. Брошенная батистовая салфетка лежала на столе, точно яблоко раздора, а сам король выступал в роли Париса.

Мысль о Парисе оказалась удачной, поскольку подсказала выход из положения. Людовик сделал знак своему брату Гастону, и тот, наконец, передал ему злополучную салфетку. Обед начался.

Едва дождавшись его окончания, Суассон быстро вышел из зала. В тот же день он с матерью, а также герцоги де Лонгвиль, де Майен и д'Эпернон демонстративно покинули двор. Путь их лежал в Анже.

Глава 7. Война

Последние солнечные лучи цеплялись за коньки крыш, бессильно соскальзывая по листам шифера, заглядывали в окна из разноцветного стекла, выложенные аккуратными желтыми и красными ромбами. Ветер стих, наверное, прилег где-то вздремнуть. В городе воцарилась прозрачная тишина, кое-где вспугиваемая звонким стуком деревянных сабо по булыжной мостовой. Так мирно, покойно было кругом, что не хотелось ни о чем думать, ни о чем говорить.

Красные ромбы в окне жарко вспыхнули и постепенно погасли, как тлеющие угольки. Лица двух людей, сидевших в креслах друг против друга, медленно погрузились в полумрак. Так было еще удобней: не нужно думать, какое выражение себе придать. Один из собеседников, с худым, заостренным книзу лицом, тонким носом с горбинкой и проседью в русых волосах, прикрыл глаза, подперев голову рукой с изящными длинными пальцами, и сомкнул тонкие губы. Другой, широколобый, с окладистой, порывшейся на конце бородой, в длинной грубой рясе и сандалиях, смотрел на него усмешливо, так, будто обладал способностью видеть вещи насквозь. Им незачем было много говорить, чтобы понимать друг друга, ведь в каком-то смысле Ришелье был альтер эго отца Жозефа.

Капуцин находился в Анже по поручению Люиня. Мать открыто готовилась к войне с сыном, и временщик, всеми способами стремясь избежать сражения, вновь обратился к епископу Люсонскому, призывая его употребить свое влияние на Марию Медичи для сохранения мира. До отца Жозефа здесь побывали и другие посланцы Люиня, которым Ришелье давал расплывчатые ответы. С ним же лукавить не имело смысла: все равно, что лгать самому себе.

– Почему, собственно, наш герцог так опасается военных действий? – напрямую спросил Ришелье отца Жозефа. – Во Франции не осталось такого места, которое не старались бы выкупить Люинь и его сторонники, а если не могут купить, отбирают силой. Они прибрали к рукам восемнадцать лучших крепостей, их полки стоят в провинции, они подчинили себе гвардию роту за ротой, легкая кавалерия короля – тоже их. Если бы вся Франция продавалась, они купили бы ее за счет самой же Франции.

Отец Жозеф усмехнулся:

– Можно купить солдат, но где купить доблести и отваги?»

Зато в стане королевы-матери воинственности было не занимать. Помимо обиженных герцогов и принцев, ее сторону на сей раз приняли и гугеноты, возмущенные поведением Люиня в его владениях. Шантелуб был готов в любой момент поднять мятеж и заявлял об этом так, будто вверенный ему Шинон был по меньшей мере вторым городом Франции. Одиноким голос Ришелье, взывавший о мире, тонул в шумном и гневном хоре. «Но что я могу один? Что? Что?»

Ришелье спохватился и открыл глаза: уж не произнес ли он это вслух? Фигура отца Жозефа окончательно растворилась в тени, однако из темноты донесся его напевный голос: «И сказал Господь: “Истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: “Перейди отсюда туда”, она перейдет, и ничего не будет невозможного для вас...”»

– Вот и передайте от меня такой ответ господину де Люиню, – улыбнулся Ришелье.

Шум за столом совета усилился. Ришелье выждал некоторое время, затем сказал, не повышая голоса:

– Позвольте мне продолжать.

Голоса понемногу стихли, хотя герцог Майенский все еще что-то басил, обращаясь к своему соседу.

– Так вот, господа, – заговорил Ришелье, – поскольку силы у нас есть, и силы немалые, их надо не скрывать, а выставлять напоказ, чтобы устрашить противника и избежать необходимости пускать их в ход.

– Что? Бряцать оружием, не сражаясь? – насмешливо процедил Шантелуб.

– Вот именно, – спокойно ответил Ришелье. – Показать свою силу, чтобы не быть вынужденным прибегнуть к ней.

– Зачем же тогда армия? – недовольно проворчал герцог де Немур. – Да вы знаете, каких денег мне стоили фламандские наемники?

– Они при вас и останутся, – возразил епископ. – Но вы как будто забываете, господа, что мы находимся на земле нашего отечества, и наш противник – не иноземец, а наш король.

При этих словах ропот возмущения возобновился с новой силой. Все присутствующие, стараясь перекричать друг друга, высказывали свои обиды и претензии. Мария Медичи растерянно переводила взгляд с одного на другого, не зная, что ей делать. Ришелье был невозмутим.

«Ну и пусть, – думал он. – Пусть! Хотите показать, чего вы стоите? Мы скоро это увидим! Я принимаю вашу игру, господа! Каждый сам за себя».

– В таком случае, – возвысил он голос, привлекая к себе внимание, – в таком случае я предлагаю следующий план.

Шум смолк, все взгляды обратились на него.

– Закрепиться в Анже, провести переговоры с господами де Роганом и Ледигьером, чтобы они держали гугенотов наготове, с герцогом де Монморанси, который обеспечит нам поддержку в Лангедоке. Нормандия и Бретань и так у нас в руках.

Сидевшие за столом герцоги де Лонгвиль и де Вандом согласно закивали.

– И главное, господа, – быть готовыми выступить всем сразу. А для этого предлагаю утвердить единое командование.

Ришелье сел, показывая тем самым, что его выступление окончено. Пряча усмешку, наблюдал за собравшимися: несомненно, каждый прочил в главнокомандующие себя и ни за что бы не потерпел оказаться под началом у соседа.

– Я полагаю, – вступила королева, – назначить главнокомандующим господина Луи де Марильяка.

Снова шум, возмущенные возгласы. Мария беспомощно посмотрела на Ришелье, ища его поддержки. Марильяки – Мишель и Луи – были его протеже, которых он ввел в окружение королевы-матери. Лицо епископа было по-прежнему бесстрастно.

– Что ж, – сказал он, дождавшись небольшого затишья, – поскольку иных предложений не поступило, решение ее величества утверждено.

Он едва удержался от смеха, увидев ошеломленные лица членов совета.

Донесения о волнениях в Нормандии поступили в конце июня. Отовсюду приходили тревожные сообщения о том, какие армии собирают сторонники королевы-матери. Люинь был подавлен, Деажан озабочен, Силлери удручен, маршалы хранили суровое молчание. В таком настроении и начался королевский совет четвертого июля.

Однако оказалось, что король, пребывавший в последнее время в мрачном расположении духа из-за несварения желудка, сегодня бодр и весел. Он выслушал депеши, обвел взглядом своих советников и справился об их мнении. Шомберг опасался удара с юга, Креки предлагал идти на Анже, Деажан – укреплять столицу, Люинь молчал и грыз ногти.

– Да, вариантов множество, но нужно идти на того, кто сильнее и ближе, – подвел черту Людовик. – Это Нормандия. Я хочу пойти прямо туда, а не ждать, сидя в Париже, пока моим королевством овладеют, а на подданных наденут ярмо. Я верю в силу своего оружия, ибо вины на нем нет. Совесть моя чиста, я ни в чем не был непочтителен к королеве-матери, несправедлив к народу или скуп в отношении вельмож. Итак – вперед!

Через три дня, оставив Анну Австрийскую замещать себя в Париже, король выступил в поход во главе восьми тысяч пехоты и шестисот всадников. Вместе с ним отбыли его брат Гастон, принц де Конде и маршалы Шомберг, Прален и Креки. Еще через три дня он достиг Руана, из которого сбежал герцог де Лонгвиль. Неделей позже сдался Кан, покинутый Вандомом. Не задерживаясь в Кане, король двинулся к Луаре. В Анже началась паника.

От герцога д'Эпернона, который должен был выступить навстречу королю из Пуату, не поступало никаких известий, герцог Майенский зачем-то явился в Анже, где был встречен крайне неприязненно.

Подступы к резиденции королевы-матери прикрывал городок Пон-де-Се, расположенный на трех островках на Луаре, соединенных четырьмя мостами. Охраняли его граф де Сент-Эньян, герцог де Рец и примкнувший к ним Вандом. В их распоряжении были три тысячи пехотинцев, четыреста всадников и три пушки. Узнав о приближении королевской армии, защитники Пон-де-Се послали гонца к королеве, чтобы получить от нее приказ: что им делать. Королева, немного подумав, велела обороняться и не атаковать. Что же это за война такая, возмутился де Рец и ушел из крепости, уведя с собой тысячу пехотинцев и почти всю конницу. Когда Сент-Эньян об этом узнал, вблизи замка уже выстраивались королевские полки.

Людовик и Креки, посоветовавшись, определили удобные позиции для пушек и распределили силы. Аркебузиры выстроились в шахматном порядке в две линии, чтобы посменно вести огонь. Пехота с фашинами³ ринулась вперед.

Бой длился три часа. Солдаты Сент-Эньяна отчаянно сопротивлялись. Со всех сторон неслись крики, лошадиное ржание, грохот пушек и аркебузов, щелканье мушкетов, стоны раненых. Людовик, в латах, на коне, принимал донесения и отдавал приказы. Он был полон воодушевления и не чувствовал усталости.

К исходу третьего часа королевские солдаты прорвались через ров и вломились в крепость. Защитники замка стали прыгать со стен в Луару, пытаясь спастись вплавь. Несколько сот человек утонуло. Сент-Эньян был взят в плен, Вандом сбежал.

Опустили подъемный мост, и король, приветствуемый восторженными криками и блеском клинков, вступил в покоренную крепость.

Шум разрывов и выстрелов, гул отдаленного боя долетал до Анже. Мария Медичи с фрейлинами в тревоге стояла на балконе, теребя в руках платок. По улице, по направлению к замку, проскакал какой-то всадник без шляпы, покрытый пылью. Мария поспешила вниз.

Она выбежала во двор; в этот момент всадник въехал в ворота и почти свалился с коня. Это был Вандом.

– Все пропало, – прохрипел он, – король идет сюда. Я переплыл реку. Это был ужас. Ад. Лучше б я умер...

– Вам следовало остаться там, чтобы ваше желание исполнилось, – ехидно заметила одна из фрейлин. Но королеве было не до шуток.

Подхватив юбки, она снова побежала наверх. В коридоре ей попался Ришелье. Мария бросилась к нему.

– Что делать, что делать, что делать? – истерично кричала она.

– Отступить в Ангулем, – пожал плечами епископ.

Горничные метались по комнате, увязывая вещи, Мария, плача, трясущимися руками собирала драгоценности. Вошел де Бренн и сообщил о приезде парламентаров короля.

На дворе из кареты, кряхтя, выбирались парламентары – старики Бельгард, Жаннен, служившие еще ее покойному мужу, и архиепископ Санский. Их почтительно проводили в парадную залу, где ожидала всхлипывающая королева. Узнав о том, что ее сын не намерен продолжать боевые действия, она несколько успокоилась и по совету Жаннена направила к королю

³ Фашина – туго стянутая связка хвороста, используемая для преодоления небольших водных потоков и крепостных рвов.

пажа с предложением прислать для переговоров епископа Люсонского. Предложение было принято.

Десятого августа был подписан мирный договор, в котором всем мятежникам прощалась их вина, а Ришелье обещали кардинальскую шапку. Епископ также выхлопотал еще одно важное условие: чтобы Мария Медичи имела свободный доступ к сыну. В возмещение ущерба королеве подарили триста тысяч ливров.

Местом очередного семейного свидания был выбран Бриссак. На сей раз королева не заставила себя упрашивать и сразу тронулась в путь. На полдороге ее встретил Брант, брат Люиня. Мария приветствовала его, не снимая маски и не выходя из носилок. Однако чуть погодя на дороге показались еще два всадника. Вглядевшись в их очертания, Мария велела остановить носилки и спустилась на землю.

Людовик спрыгнул с коня, Гастон последовал его примеру. С минуту мать и сыновья молча смотрели друг на друга, затем Людовик мягко обнял королеву и притянул к себе.

– Ну вот вы и в моих руках, матушка, – негромко сказал он полушутя, – уж больше я вас не выпущу!

– Вам нетрудно будет удержать меня, сударь, – глухо отвечала Мария, – ведь я уверена, что такой сын, как вы, всегда будет относиться ко мне как к матери.

Глава 8. В любви и на войне

Ришелье велел опустить шторы на окнах и никому не входить. Мигрень, измучившая его за вчерашний день, как будто отступила, однако еще порой напоминала о себе, стальным обручем стискивая голову и лопаясь жаркой болью в затылке. Сейчас бы лежать в мягкой темноте и ни о чем не думать, а думать надо. Ришелье зажмурил глаза и потер пальцами переносицу.

Эту новость ему сообщил отец Жозеф – другому человеку епископ, пожалуй, и не поверил бы. Люинь предлагал брачный союз, прося для своего племянника руки мадемуазель дю Пон де Курле, племянницы Ришелье. Что он опять затеял, зачем ему это нужно? По правде говоря, Ришелье растерялся. Отец Жозеф дал ему понять, что на его месте не отверг бы такого предложения, но Ришелье все еще пребывал в нерешительности. Он долго и жарко молился, прося Господа вразумить его, дать ему знак. Люинь, конечно, с каждым днем приобретал все большее влияние в стране и при дворе, перед ним заискивали, его ненавидели и боялись, но судьба его предшественника – Кончини – еще не стерлась из памяти. Однажды Ришелье уже делал ставку на временщика, причем не заигрывая с ним открыто, – и что получилось? Теперь же ему предлагают ни много ни мало породниться с фаворитом. Как бы колесо Фортуны, повернувшись в очередной раз, не подмяло его под себя...

Ришелье сообщил обо всем Марии Медичи, и та, не раздумывая, приказала ему согласиться. Мария все еще была напугана недавними событиями, несмотря на радушный прием, оказанный ей в столице. Чувствуя, как начинает ломить в затылке, Ришелье написал зятю и велел привезти дочь в Париж, пока ни о чем ей не говоря, якобы для представления ко двору.

Нельзя сказать, что письмо шурина обрадовало господина дю Пон де Курле. После авиньонской ссылки он дал себе зарок: держаться подальше от двора и его интриг. Слава Богу, все остались живы, и для дочки сыскался жених – ее кузен Симон де Виньерон. Правда, он небогат, но и бедствовать им не придется. И вот теперь – пожалуйста, новые хлопоты. И все же после бессонной ночи, проведенной в мучительных раздумьях о судьбе – в конце концов, разве может человек знать, в чем его счастье? – он приказал дочери укладывать дорожные сундуки.

Загнав боль поглубже и стараясь о ней забыть, Ришелье сел в карету и поехал в гостиницу «Три лилии», где остановились его зять и племянница. Они занимали три скромных комнатки в верхнем этаже.

– Сейчас я пришлю к тебе ее, – хмуро сказал дю Пон де Курле, после того как они обнялись. – Скажи ей все сам, Арман.

Он вышел. Вскоре по коридору простучали каблучки, зашумели юбки, и дверь распахнулась.

– Дядюшка! – воскликнула Мари-Мадлен. Она подошла, присела и поцеловала ему руку.

– Ну, здравствуй, здравствуй! – Ришелье обнял ее и поцеловал в лоб. – О, да ты теперь просто красавица!

Девушка засмушалась. Они сели в кресла друг против друга. Ришелье любовался племянницей. Конечно, красавицей она не была, но обладала прелестью юности, живым взглядом темных глаз, нежной бархатистой кожей. Расспросив, как они доехали и устроились в столице, Ришелье перешел к делу.

– Ты уже невеста, – сказал он, – и у тебя появился жених.

Девушка порозовела и опустила глаза.

– Через два дня в городской ратуше будет бал, где я представлю тебя ее величеству, – продолжал Ришелье. – Там ты с ним и познакомишься. Это господин де Комбале, племянник герцога де Люиня.

Мари-Мадлен вскинула на него испуганные глаза, кровь отлила от ее щек.

– Но, дядюшка, – пролепетала она, – как же так? Я ведь уже помолвлена с господином де Виньероном!

– Помолвлена, но не обручена, – возразил дядюшка. – Подумай о своем будущем. Ты поживешь в столице, будешь представлена ко двору. Вернуться в свою глушь всегда успеешь.

На глаза девушки навернулись слезы. Она опустила голову, ее плечики начали вздрагивать под наброшенной на них косынкой.

– Дядюшка... Дядюшка... – всхлипывала она. – Ведь я люблю его...

Ришелье встал и подошел к окну. Он был взволнован и хотел скрыть это от племянницы. Она была ему как дочь, и теперь его терзали муки сомнения, ведь он не был уверен, правильно ли поступает.

– Ты не обязана давать согласие, – произнес он изменившимся голосом, отвернувшись к окну. – Ты всего лишь приедешь на бал и познакомишься с господином де Комбале. Я ведь даже не отец тебе, чтобы решать твою судьбу...

Мари-Мадлен перестала плакать и посмотрела на него. Прерывисто вздохнула, как ребенок.

– Дядюшка, скажите, это нужно для вас?

От этих слов у Ришелье подступил комок к горлу. С трудом сдержавшись, он подошел, взял в руки ее похолодевшие пальчики, коснулся щекой влажных локонов.

– Дитя мое, ты должна думать только о себе. Тогда тебе будет легче жить...

Через два дня Ришелье заехал за родственниками в своей карете, чтобы отвезти на бал в ратушу, который парижские власти устраивали в честь королевы-матери. Мари-Мадлен была бледна; она надела платье, подаренное дядюшкой, и полумаску, чтобы спрятать припухшие от слез глаза и нос. Садясь в экипаж, она шепнула: «Я решила, я согласна» и после всю дорогу молчала.

К ратуше один за другим подкатывали экипажи, кучера бранились, пытаясь разъехаться в этой толчее. Внутри было шумно и душно, потрескивали факелы, играла музыка, пахло пригорелыми духами и разгоряченным телом. Мари-Мадлен оробела и шла, не поднимая глаз, под руку с дядей, одевшимся в мирское платье; ее отец держался позади. Королева-мать, обмахиваясь веером, с торжествующим видом сидела в креслах, отвечая на приветствия и милостиво принимая уверения в почтении от отцов города.

– Отчего вы так бледны, моя милочка? – спросила она, когда Мари-Мадлен присела перед ней в глубоком реверансе. Бедняжка молчала, не зная, что отвечать.

– Девушкам нужны танцы и комплименты, чтобы вернуть румянец на их прелестные щечки, – развязно сказал невесть откуда взявшийся Люинь. С ним был тихий застенчивый юноша, которого он представил как господина де Комбале. Грянул оркестр, Люинь мигнул племяннику, тот неловко поклонился и пригласил Мари-Мадлен на танец. Она молча подала ему руку. Ришелье следил взглядом за этой странной парой, однако Люинь взял его за локоть и увлек в соседнюю комнату, небольшой кабинет, где его улыбкой встретил нунций Бентивольо.

– Ваша племянница – само очарование, – говорил Люинь. – Я уверен, дети будут счастливы вместе.

Войдя в кабинет, он плотно закрыл двери и извлек из-за пазухи свернутую трубкой бумагу.

– Его величество подписал представление на вас о кардинальском сане, – сказал он, издали показывая бумагу Ришелье, – и господин нунций согласился лично ходатайствовать о вас перед святым отцом.

Ришелье с Бентивольо обменялись учтивыми поклонами.

– Надеюсь, – продолжал Люинь, – все недоразумения улажены, и отныне мы станем добрыми друзьями.

Ришелье понял, что его более не задерживают, и пошел к выходу. Нунций направился было за ним, но Люинь остановил его:

– Одну минуту, монсеньор!

Когда они остались одни, Люинь снова плотно прикрыл двери и сказал небрежным тоном:

– Я бы просил вас, как бы это сказать... не проявлять излишней настойчивости со святым отцом. Все мы должны уважать его волю. Если он сочтет епископа Люсонского достойным кардинальского сана – так тому и быть, а если не сочтет... Так, пожалуй, и еще лучше, а?

Бентивольо понимающе кивнул.

В конце декабря Люинь, находившийся с королем в Кале, был разбужен грохотом пушечной пальбы. Ошарашенный спросонья, он сел на постели, моргая глазами. Двери распахнулись, и в спальню влетел счастливый Людовик с письмом в руке:

– На, читай!

Встревоженный Люинь несколько раз пробежал письмо глазами, потом улыбнулся:

– Так вот почему столько шума, сир?

– Я бы желал, чтобы он был еще громче! – воскликнул Людовик. – Вставай, собирайся, поехали, я хочу его видеть!

Не прошло и часа, а два всадника уже скакали по дороге в Париж, за ними едва поспевала охрана. Проведя два дня в седле, Людовик примчался в Лувр, побежал на половину королевы, наскоро обнял жену и поспешил в покои герцогини де Люинь. В люльке сладко посапывал младенец. Король бережно взял его на руки и нежно поцеловал. Малыш раскрыл глазенки.

– Сын, у тебя сын! – любовно произнес Людовик, обращаясь к Люиню, но не отрывая взгляда от кукольного личика. – Я тоже буду ему отцом – крестным.

Празднества по случаю рождения Луи-Шарля д'Альбера, герцога де Люиня, продолжались несколько дней. Из крестной купели его приняли король и королева.

А одиннадцатого января из Рима пришло письмо: папа возвел в кардинальский сан архиепископа Тулузского.

– Вы слышали? Гугеноты захватили Прива! – с порога объявила Антуанетта дю Верне. Несколько пар женских глаз непонимающе уставились на нее.

– Нет, каковы! – Антуанетта не могла сдержатъ возбуждения и расхаживала по комнате, взмахивая руками. – Мало того, что они не выполняют приказов короля и действуют точно ему назло, так теперь их маркиз де Шатильон отбил Прива у герцога де Монморанси! Хорошо еще, что Кадене удалось уладить все дела в Лондоне, а то бы и английский король высадился нам на голову! Говорят, король сделает Кадене герцогом.

– Да, он теперь будет герцог де Шон, – вставила Анна Австрийская, гордая своей осведомленностью.

– Да полно тебе, Антуанетта, – соорщила гримаску Мари де Люинь, – неужели тебе не наскучили эти разговоры о политике! Я, например, сыта ими по горло.

– Ах, боже мой, Мари, как же ты не понимаешь! Ведь это война! Мужчины снова отправятся драться, и что с нами будет?

– В самом деле, – приподнялась на подушках принцесса де Конти. – Черт, как это все некстати! Мой Бассомпьер не успеет на мне жениться!

Женщины дружно рассмеялись.

– Неужели вы думаете, что Бассомпьер способен жениться? – весело воскликнула Мари. – Если бы он женился на всех своих возлюбленных, у него бы уже был гарем, как у турецкого султана!

– Милая моя, – возразила ей принцесса де Конти с видом превосходства, – мы с вами, слава Создателю, живем в христианском государстве, где мужчина может жениться только на одной женщине – той, которая больше всех этого захочет.

– Отчего же ваш брат до сих пор не женился? – не отставала Мари. – Неужели ни одна женщина не захотела заполучить себе это сокровище?

– Мало хотеть, надо иметь голову на плечах, – пожала плечами принцесса. – Взять хотя бы эту старую дуру маршалышу де Фервак. Едва Клод пообещал на ней жениться, как она уж и растаяла: ни в чем не могла ему отказать, оплачивала все его долги, а под конец сделала своим наследником. Спрашивается, зачем ему было держать свое слово, когда он и так имел все, что хотел? Вот он и отправил ее бречное тело с нарочным на кладбище, заполучив двести тысяч звонких экю!

– Боже мой, какая гнусность! – содрогнулась Анна Австрийская. – Король так ценит герцога де Шевреза, а он, оказывается, низкий человек!

– Он умен, хорош собой, отважен и нравится женщинам, – спокойно продолжала принцесса де Конти. – Многие предпочитают его своим мужьям.

– Было бы забавно поступить с ним так же, как он с госпожой де Фервак, – лукаво сказала Мари.

– А вы попробуйте, моя милая, – тотчас ответила принцесса и посмотрела на нее с прищуром.

Солнце стояло в зените, когда вдали показались острые шпили церквей, указывавшие на большой город. Пьер де Лапорт улыбнулся и прибавил ходу.

Коня, на котором он выехал из родного Сансера, юноша, по совету матушки, продал и теперь шел в Париж пешком, закинув за плечи котомку с немудреными пожитками. Бог с ним, с конем: не такая он важная птица, чтобы верхом разъезжать, пока свои ноги несут, а живые деньги нужнее: приодеться, пожить первое время. Кто его знает, как там сложится. В Париже, говорят, народищу, и все плуты – только держись! Ходи да оглядывайся! Ну уж и удачи своей упустить нельзя. А где же ее еще искать, если не в Париже?

Матушка была родной сестрой камеристки герцогини де Люинь и послала сына с письмом в столицу, прося сестру порадеть о племяннике. Мальчику уже восемнадцать, вдруг да и ему при дворе местечко найдется.

Грудь распирало от чистого мартовского воздуха, в полях важной походкой расхаживали грачи, дорога, отвердевшая от утреннего морозца, еще не раскисла, идти было легко, и на сердце радостно.

Париж оглушил Лапорта звоном колоколов, несущимся с целого леса колоколен. Миновав поля, болота, огороды, он незаметно для себя очутился в Латинском квартале – царстве студентов, где учебные заведения перемежались с монастырями. Народ здесь жил бедный и шумный: из грошовых харчевен доносились пьяные выкрики, по улицам куда-то спешили школяры в драных куртках и деревянных башмаках на босу ногу, на перекрестках то и дело завязывались драки. Юноша жался к стенам домов, поглядывая при этом вверх, помня, как его однажды чуть не облили помоями, которые выплеснули со второго этажа прямо на мостовую. Запах стоял такой, что спирало дыхание; редкие прилично одетые господа, за которыми слуги несли связки книг, не отнимали от носа надушенных платков.

Помолившись в церкви Святой Женевьевы заступнице города, чтобы она стала защитницей и ему самому, Лапорт спустился с холма к реке. Вода уже спала, но берега еще были покрыты глубокими грязными лужами, куда пригоняли скот на водопой. На волнах колыхались тысячи лодок, привязанных канатами, вверх по течению брели изнуренные лошаденки, вздрагивая от бича погонщика, – они тащили баржи, нагруженные хлебом, вином, сеном, навозом. Грузчики сгибались под тяжестью мешков с углем, сновали рабочие, надсаживали глотку подрядчики. Глядя под ноги, чтобы не слишком измазаться, а потому не замечая ничего по сторонам, Лапорт добрался до Нового моста и замер в восхищении: на другом берегу, левее, белел Лувр со своими круглыми островерхими башенками, высокими окнами, выглядывав-

шими поверх толстой защитной стены, и крытой черепицей галереей, которая вела к Тюильри. Туда, туда стремилось его сердце! Пьер ступил на широкий каменный мост.

Отсюда был виден весь Париж: справа – стройные дома из светлого камня и розового кирпича с серыми скатами крыш, образующие треугольник площади Дофин на острове Сите, слева – мрачная Нельская башня с раскачивающейся в воздухе пустой петлей. Вдоль берегов – лодчонки, водовозы, заезжающие со своими бочками в воду по самую ступицу колес.

На мосту вертелся людской водоворот: спешили куда-то студенты, солдаты, скакали всадники, покачиваясь, проплывали носилки знатных дам, рабочие, опираясь на палку, несли привязанные к спине огромные тюки кож, материй, прочих товаров. Расхаживали торговки, выкрикивая: «Капуста, редиска, лучок! – Масло свежее, свежее масло! – Молоко парное! – Пирог горячий! – Кому воды, воды кому?» Им вторили мужские голоса: «Шкуры овечьи, телячьи, кроличьи! – Травим крыс-мышей! – Сено свежее, духовитое! – Трубы чистим!»

...У Ришелье было приподнятое настроение. Он ехал с аукциона, на котором ему удалось выкупить за семьдесят девять тысяч ливров родовой замок, оставшийся без хозяина после гибели брата Анри. Правда, на покупку ушли почти все его деньги, зато теперь он мог быть спокоен: нога чужого человека не ступит в дом, где он провел свое детство. Повеселевший епископ направлялся на набережную Августинцев, чтобы проследить за тем, как печатается его новый памфлет – «Приветственная речь и впечатление об умирающей Франции. Заклинание, обращенное к королю, и призыв ко всем добрым французам». В этом сочинении он поднял из могилы доброго короля Генриха, чтобы тот заклеил позором дерзкого и наглого временщика, опутавшего своими сетями его сына. Предыдущие памфлеты расходились неплохо: Ришелье «подкармливал» книгонош, торговавших на набережных и на Новом мосту, чтобы те больше усердствовали. Разумеется, имя автора на обложке не значилось.

Въехав на мост, карета епископа чуть не сшибла какого-то разиню, зевавшего по сторонам. Кучер натянул поводья и успел отвернуть в последний момент, в сердцах обложив деревенского пентюха последними словами.

Лапорт отскочил в сторону и долго смотрел вслед карете. Оправившись от испуга, он почувствовал, что проголодался, окликнул проходившую мимо разносчицу с пирогами и потянулся за кошельком, висевшим у него на поясе. Но тут он с ужасом обнаружил, что кошелек нет: его ловко срезали острой бритвой. Лапорт похолодел. Деньги, вырученные за коня, оказались в руках у какого-то воришки! Ноги у юноши стали ватными, он прислонился к парапету. Немного постояв, он взял себя в руки и принялся рассуждать.

По счастью, он не настолько глуп, чтобы держать все деньги в одном месте, и несколько золотых были зашиты у него за подкладку. Конечно, он берег их про черный день, но будет ли еще день чернее этого? Надо где-то поселиться, почиститься, осмотреться, чтобы не являться во дворец полным чучелом. Решив так, Лапорт расспросил прохожих, как пройти на улицу Сен-Мартен, где помещается гостиница «Железный крест» (там, говорят, берут недорого), и зашагал по узким улочкам с липкой мостовой вдоль почерневших, ветхих домов, нависающих башенками над перекрестками, держа путь по вывескам лавчонок и харчевен.

На другое утро Лапорт подошел к воротам Лувра со стороны Сен-Жермен-л'Осеруа. Весь прошлый день он приглядывался к парижанам: в чем ходят, как себя ведут, как говорят – и понял, что если он хочет добиться успеха, то нужно быть побойчее. Он, как мог, привел в порядок свою одежду и теперь, лихо заломив набок шляпу с пером, постучал в калитку привратничкой. Открылось круглое окошечко, и хриплый голос спросил:

– Кто?

– К госпоже де Берто, из свиты герцогини де Люинь, с письмом! – как мог увереннее ответил Лапорт.

– Давай сюда.

– Приказано доставить лично.

За дверью слышалось сопение: его изучающе рассматривали. Затем калитка открылась, Лапорт, пригнувшись, прошел на подъемный мост, где его обыскали. Не найдя при нем оружия, привратник кивнул напарнику:

– Проводи.

С замирающим сердцем Лапорт пересек вслед за своим провожатым внутренний двор и стал подниматься по лестнице налево, ведущей на половину королевы. Пройдя через анфиладу комнат и поднявшись еще по какой-то лесенке, они оказались в прихожей, где сидели милостивые девушки.

– К герцогине, с письмом, – кратко пояснил спутник Лапорта, ткнув в него пальцем, и ушел.

– Сейчас доложу, – кокетливо, нараспев протянула одна из девушек и скрылась за дверью в смежную комнату, подмигнув напоследок.

Лапорт не успел ее остановить, крикнуть, что это ошибка. Ему стало душно. Оставшиеся девушки поглядывали на него, шушукаясь и пересмеиваясь. Одна сказала: «Какой хорошенький!»

– А как бы мне повидать госпожу Берто? – обрел наконец дар речи Лапорт.

– Госпожу Берто? – удивились горничные. – Так она не здесь, а на улице Сен-Тома-дю-Лувр.

«Ах, дурень! – мысленно обругал себя Лапорт, стукнув себя кулаком по лбу, что снова рассмешило девушек. – Нет чтобы разузнать все прежде хорошенько! Что же теперь со мной будет?»

– Герцогиня вас ждет, – объявила вернувшаяся служанка.

Лапорт на негнущихся ногах пошел за ней, как на эшафот.

В комнате были две молодые, красивые, богато одетые женщины. Одна стояла у окна, другая сидела в кресле, держа на коленях собачку, и, когда Лапорт понял, кто она такая, ему стало совсем худо. Он низко поклонился и остался стоять у двери, потупив голову.

– У вас письмо ко мне? От кого же? – спросила та, что стояла у окна.

Лапорт бухнулся на колени и заговорил, молитвенно сложив руки:

– Ваша светлость, госпожа герцогиня, выслушайте меня! Это ошибка, но вины моей нет. Я Пьер де Лапорт, племянник камеристки вашей, госпожи Берто, и письмо у меня к ней. Вам же я готов служить верой и правдой до конца моих дней, только приказывать извольте.

Обе женщины с улыбкой переглянулись. Происшествие их явно забавляло.

– Значит, письмо все-таки есть? – сказала герцогиня. – Давайте же его сюда.

Красный как рак, Лапорт достал из-за пазухи письмо и подал, не поднимая глаз от пола. Мари развернула его и начала читать:

– «Милая сестрица! Спешу справиться о здоровье Вашем и о том, хорошо ли Выживаете, довольны ли и муж Ваш здоров ли? У нас, слава Богу, все хорошо...»

Бедный Лапорт был бы рад провалиться сквозь землю. Мари пропустила несколько строчек и продолжала:

– «Посылаю к Вам с поклоном сына моего единственного, Вашего племянника. Не оставьте его своей милостью, может, выхлопочете ему какое местечко, век за Вас буду Бога молить. Малый он с головой, грамоте разумеет, всю науку нашего священника, отца Мату, превзошел, к тому же честен и поворотлив. А что с виду неказист, так, поди, в Париже у Вас пообтешется...»

Мари не удержалась и рассмеялась. Лапорт покраснел еще гуще. Анне стало его жаль.

– Послушай, Мари, – сказала она, – его можно было бы взять ко мне в пажи, как ты считаешь? Если, разумеется, – обратилась она к юноше, – вы желаете мне служить.

– О, превыше всего на свете! – с жаром воскликнул Лапорт.

– Вот и славно! – улыбнулась королева. – У меня еще не было слуг с такой лестной рекомендацией.

Кланяясь и выходя из комнаты, Лапорт подумал, что ради этой женщины не пожалеет и самой жизни своей.

В начале апреля двор переехал в Фонтенбло. Королева с фрейлинами разгуливала по парку, король ездил на охоту, но под мнимой безмятежностью скрывалась тревога, которая словно стучалась в воздухе, туманом расстилаясь над водой прудов и приглушая пение птиц в лесу. Война! Это слово рано или поздно вмешивалось во все разговоры, срывалось со всех уст. Все знали, что война неизбежна, оставался один вопрос: когда?

Гугеноты, собравшие военный комитет в Ниоре, вели переговоры с Ледигьером – своим собратом по вере, однако убежденным сторонником короля. Переговоры ничего не давали: гугеноты создали практически государство в государстве, чего король стерпеть не мог, но и все компромиссы, предлагаемые Люинем, бесповоротно ими отвергались. Люинь предложил сделать Ледигьера коннетаблем⁴, что фактически было равнозначно объявлению войны, однако старый солдат отказался. По правде говоря, он предпочел бы сейчас сражаться в Вальтелине на стороне протестантов-гризонов, которых убивали местные католики при поддержке испанцев, оккупировавших эту альпийскую долину. В итоге Люинь добился, чтобы коннетаблем сделали его самого.

Вальтелина лежала на кратчайшем пути из Вены в Милан и находилась под протекторатом швейцарцев-гризонов. После вторжения туда испанцев Людовик XIII, обеспокоенный соединением двух монархов из Габсбургской династии, отправил в Мадрид Бассомпьера с ультиматумом: «Освобождение Вальтелины или война». Прошло больше полугода, однако не свершилось ни того ни другого. Послы герцогства Миланского и Венеции каждый день являлись в приемную французского короля, пытаясь добиться, чтобы он сдержал свою угрозу.

Престарелый маркиз де Силлери, председатель Парижского парламента, одетый по моде прошлого века в короткие разрезные штаны с чулками и короткий же камзол с тугим накрахмаленным жабо, отвел послов в сторонку и доверительно зашептал:

– Скажу вам по секрету, господа, я не знаю, что с нами станется. Зло сидит у нас в крови, в самом нутре. Гугеноты пытаются выбить скипетр из рук у короля. Устраивают недозволенные собрания в Ла-Рошели, вводят налоги, чеканят монету, собирают ополчение, строят укрепления, словно короля и нет вовсе, а они полные хозяева. Король скрывает это изо всех сил, делает вид, будто ничего не видит, чтобы заниматься внешними делами. Но они упорствуют в своем непослушании и с каждым днем становятся все более дерзкими. Если его величество отправится в поход за пределы королевства, испанский монарх наверняка растравит их мятеж и даст денег, чтобы устроить пожар в нашем доме.

Послы поклонились и разошлись.

Король часто собирал военный совет, запирали двери и склонялся над картой. Люинь, по обыкновению, мямлил, Конде советовал ударить по врагу, Шеврез и дю Мэн были того же мнения.

Однажды Людовик своей быстрой решительной походкой шел по галерее, направляясь к герцогу де Шеврезу, как вдруг, у дверей его апартаментов, столкнулся с герцогиней де Люинь.

– М-мари? Что вы здесь делаете? – пролепетал оторопевший король.

– Ищу встречи с вами, сир, – отвечала она, низко приседая.

⁴ Коннетабль – один из высших сановников французской монархии. С конца XIV века выполнял обязанности главнокомандующего армией и главы военного трибунала. Должность упразднена кардиналом Ришелье в 1627 году.

Людовик в замешательстве переводил взгляд с ее невозмутимого лица на смело открытую грудь в вырезе небрежно зашнурованного платья и вдруг, сильно покраснев, плюнул прямо туда и ушел.

Напряжение усиливалось. Король раздарил своих ловчих соколов и собак, заявив, что отныне будет охотиться не на зверя, а на армии и крепости. Он усердно изучал математику и фортификацию, проводил учебные стрельбы с артиллеристами и аркебузирами.

Анна Австрийская вошла в кабинет мужа и нерешительно приблизилась к столу, заваленному чертежами крепостей, планами и картами, углы которых были прижаты стопками книг. Людовик, занятый какими-то вычислениями, поднял голову, улыбнулся ей и вернулся к своим расчетам. Анна рассеянно взяла со стола циркуль, повертела его в руках и уже хотела что-то сказать, но тут вошел слуга и подал королю письмо. Взглянув на почерк, которым оно было написано, Людовик поспешно его распечатал и углубился в чтение.

– От Бассомпьера, – пояснил он жене, близко поднеся бумагу к близоруким глазам.

– Что ж он пишет? – безразлично спросила Анна.

– Папа Григорий XV прислал своего легата для переговоров по поводу Вальтелины... Старый испанский король умер... Испанская казна пуста, в Соединенных провинциях волнения, так что испанцам не до войны...

Легкий шелест и глухой стук заставили его оторваться от письма. Анна без чувств лежала на полу.

Поход на гугенотов пришлось отложить: Анна тяжело переживала смерть отца, и Людовик корил себя за то, что так грубо, не подумав, сообщил ей горькое для нее известие. Но двадцать пятого апреля Бассомпьер сумел-таки заключить в Мадриде договор, по которому Испания обязалась вывести свои войска из Вальтелины, и пару дней спустя король выступил из Фонтенбло, держа путь в долину Луары.

В Сомюре, который сдался без боя, Людовик, в сопровождении всех принцев и вельмож, совершил паломничество по святым местам и так истово молился и причащался, будто отправлялся в новый крестовый поход. Вождю гугенотов Субизу было отправлено грозное предупреждение: раз он не подчиняется королевской воле, король сам явится приветствовать его залпом из двадцати пушек и первый же выстрел развеет последнюю надежду на примирение.

Пройдя через Пуату, королевские войска осадили крепость Сен-Жан-д'Анжели, где укрылся Субиз, отказавшийся сдаться. Первый яростный приступ захлебнулся в крови: осажденные пустили в ход артиллерию и пробили широкую брешь в рядах осаждавших. Людовик велел привести подкрепления и осадные орудия. Тридцать восемь пушек нацелили свои жерла на щербатые стены. Посол Англии попытался было вступить за единоверцев своего короля, однако Людовик вежливо, но твердо отклонил его ходатайство. Крепость продержалась пять недель, после чего капитулировала. Король очень холодно принял Субиза, явившегося с белым флагом, Люинь же отпустил его в Ла-Рошель, дабы тот поведал о силе королевского оружия.

После падения Сен-Жан-д'Анжели королю сдалось еще несколько мелких крепостей; дорога на Ла-Рошель была открыта. Людовик поручил д'Эпернону осадить ее с суши и с моря, однако коннетабль де Люинь выделил герцогу для этой цели совершенно незначительные силы, которые не могли бы справиться с поставленной задачей. Основная же королевская армия повернула на Беарн, поскольку другой гугенотский военачальник, Ла Форс, занял оборону в Монтобане.

Людовик наслаждался походной жизнью. Он недавно начал бриться и украдкой проводил рукой по верхней губе и подбородку, где должны были отрасти усы и эспаньолка, придав ему вид настоящего мужчины. Он был одет, как простой мушкетер, не расставался со шпагой и охотно выезжал в войска побеседовать с капитанами и с солдатами. Гастон повсюду следовал за братом и подражал ему во всем.

Ободренная всеобщим победным настроением, Мария Медичи приехала в королевский лагерь. Людовик принял ее очень тепло, но Люинь постоянно крутился рядом, всячески изворачиваясь, чтобы не оставлять мать с сыном наедине. Марию раздражала неусыпная слежка; она написала Ришелье, который поселился в своей замке, тот посоветовал ей обождать и вернуться в Анже. Раздосадованная королева так и сделала.

Бдительность Люиня ощутил на себе и Бассомпьер: едва закончив дела в Мадриде, он примчался к королю. Людовик ценил его как близкого друга своего отца, умного и храброго человека, прислушивался к его мнению, охотно смеялся его шуткам. Люинь изнывал, боясь, что обаятельный Бассомпьер, слывший образцом французского дворянина, займет его место при короле.

– Вы точно муж, опасющийся стать рогиносцем, который не позволяет честному человеку ухаживать за своей женой, – в сердцах сказал ему Бассомпьер, когда маневры Люиня стали уж слишком нарочитыми. Люинь зло взглянул на него, но ничего не сказал и ушел.

– Вы заделали большое место, – негромко пояснил озадаченному Бассомпьеру оказавшийся рядом принц де Конде. – Пока наш коннетабль вел осаду короля, его молодая супруга, оставшаяся без надзора, наставила ему рога с герцогом де Шеврезом. Сии рога были столь величавы и ветвисты, что их не замечал лишь один их обладатель. По счастью, король поднес ему зеркало.

– Как, король сказал ему, что он рогат? – возмущенно вскричал Бассомпьер. – Ну, это уж просто черт знает что такое!

– По правде сказать, обладатель налобного украшения повел себя недостойно верноподданного, поскольку не принял слова короля на веру и потребовал объяснений у жены, – продолжал ерничать Конде. – Герцогиня же доказала, что правдивость, в отличие от стыдливости, входит в число ее добродетелей, и не стала запереться. Последовала довольно бурная сцена, однако коннетабль не потребовал у обидчика удовлетворения, поскольку рядом не было ни Бранта, ни Кадене, чтобы своими шпагами отстоять его честь. Поэтому они продолжают премило раскланиваться при встрече.

Бассомпьер громко сопел, играя желваками.

– Скажу вам откровенно, – Конде перешел на доверительный шепот, – притворность господина де Шевреза многих раздосадовала. Было бы гораздо забавнее, если бы на его месте оказался сам король.

Бассомпьер его уже не слушал. Горя негодованием, он широкими шагами направился к палатке короля. С трудом дождавшись, пока Людовик останется один, подошел к нему и, весь клокоча, выпалил:

– Сир, мне сказали, что это вы вывели господина де Люиня из неведения по поводу измены его жены.

Людовик посмотрел на него удивленно.

– Так вот, – продолжал Бассомпьер, – это грех – ссорить таким образом мужа с женой!

По лицу короля пробежала тень. Видно было, что его обуревают смешанные чувства. В конце концов он жестко произнес:

– Бог меня простит, если на то будет Его воля.

Второго августа скончался старый канцлер дю Вэр, и Люинь вызвался временно исполнять его обязанности. «Ах, если бы можно было разделить время, – воскликнул Конде, – наш герцог был бы хорош в любой должности: канцлера в военное время и коннетабля – в мирное!»

Люинь предпочел пропустить это замечание мимо ушей, тем более что очень скоро ему представилась возможность проявить свои таланты полководца (в отсутствии которых никто не сомневался): королевские войска осадили Монтобан.

Анна Австрийская наконец вняла просьбам мужа и приехала к нему на войну. Она поселилась в аббатстве Муассак, отстоявшем на пять лье от замка Пикекос, где помещалась ставка короля. Из этого замка Людовик мог в подзорную трубу наблюдать позиции своих войск. Мон-

тобан, возвышающийся над Тарном, был к тому же защищен тремя форпостами на обоих берегах реки, которые осадили Мэн, Шеврез и Люинь. Опытный Ледигьер сразу заметил, что кольцо вокруг города сомкнуть не удалось: с северо-востока он оказался неприкрытым, однако Люинь не счел нужным последовать его советам и послать туда людей.

В три часа дня Людовик верхом отправлялся в Муассак и через два часа уже был у жены. Они вместе ужинали и проводили ночь, после чего король в пять утра садился в седло и скакал обратно. Там он собирал военный совет, принимал донесения о ходе осады, Анна же тем временем, позавтракав, садилась в карету и ехала в Пикекос. После обеда она не спеша отправлялась восвояси, и у самых ворот аббатства ее нагонял супруг.

Такая кочевая жизнь быстро утомила Анну Австрийскую, ей захотелось обратно в Париж. Мари же была в восторге от перемен. Ей нравились сизые горы, уходящие плоской верхушкой в слоистые облака; арки каменных мостов, в незапамятные времена переброшенных через бурные реки на высоте, от которой захватывало дух; нравились кряжистые деревья, вцепившиеся корнями в серую, каменистую землю; нравилось легкое чувство опасности, от которой кружится голова, и едва уловимый запах пороха, смешанный с запахом конского пота, а более того – вид мужчин, готовящихся к сражению.

– В конце концов, нам необязательно возвращаться в Муассак, – сказала она королеве, когда они в очередной раз шли к своей карете. – Останемся здесь!

– Не говори глупостей, Мари, ты прекрасно знаешь, что здесь негде разместиться! – с досадой отмахнулась от нее Анна.

– Отчего же? – не унималась Мари. – У короля же есть кровать, да и у моего Люиня, я думаю, тоже!

Анна покраснела, а Людовик, провожавший их и расслышавший эти слова, посуровел. Он сам распахнул дверцы кареты.

– Право, сир, – капризным тоном сказала Мари, – прикажите нам остаться!

– Нет, сударыня, я вам этого не позволю!

– Но почему?

– Здесь... небезопасно.

При этих словах Анна встревожилась.

– Господин де Люинь, – попросила она шепотом, подозвав к себе герцога, – прошу вас, очень прошу вас, берегите короля! Вы же знаете, он такой бесстрашный, не позволяйте ему... туда, где опасно...

Люинь клятвенно пообещал ей беречь короля.

– Моему муженьку достаточно держать короля при себе, чтобы он и грома пушек не услышал, – проворчала надувшаяся Мари, когда они уже тряслись в карете по дороге в Муассак.

Между тем осада не давала результатов. Защитниками Монтобана были ополченцы из горожан, но сражались они не хуже обученных солдат. Бассомпьер попробовал вести огонь не по укреплениям, а по домам, но тоже без особого успеха. Наконец, спустя месяц после начала осады, произошло то, чего опасался Ледигьер: ночью в Монтобан пришло подкрепление, прогнавшие на слабо охраняемом участке.

Бассомпьер рвал и метал, король все больше хмурился, Анна вернулась домой, в армии начались болезни и дезертирство. В довершение всего герцог дю Мэн был сражен пулей из мушкета, что привело в отчаяние любивших его солдат. В Париже на смерть герцога откликнулись погромом гугенотов; Людовик был вынужден срочно выехать в столицу, чтобы навести там порядок.

Вот и октябрь миновал, а дело не сдвинулось с мертвой точки. Люинь пребывал в полнейшей растерянности и не знал, как ему быть: король далеко, и королева-мать вольна нашептывать ему на ухо все, что ей вздумается, к тому же у Людовика появился новый любимец – некий Франсуа де Баррада, с которым он не расстанется и часто ездит на охоту. Если бы он

мог завершить наконец эту нелепую осаду, заключить мир и с триумфом вернуться в Париж! В отчаянии Люинь решился на рискованный шаг – встретиться с Анри де Роганом, старшим братом Субиза и предводителем гугенотов.

Роган на встречу согласился. Трудно было себе представить двух более разных людей, чем лукавый царедворец и прямодушный воин, привыкший рубить сплеча. Когда Роган выставил конкретные условия, Люинь начал вилить: он не предупредил короля о встрече, понадеявшись, что все как-нибудь уладится, и не был уполномочен заключать какие-либо соглашения. Поняв, что зря теряет время, Роган рассердился и решил не идти ни на какие уступки. Люинь нес какую-то околесицу, пытаясь его удержать; он был жалок.

– Вас все ненавидят, потому что вы один владеете тем, чего желает каждый, – бросил ему напоследок Роган. – Прощайте, господин де Люинь. Не думаю, что мы еще встретимся.

Той же ночью осажденные устроили отчаянную вылазку, захватив передовые траншеи и взорвав пороховые запасы осаждавших.

Узнав о тайных переговорах с главой гугенотов, Людовик пришел в ярость. Больше всего его возмутило то, что Люинь действовал за его спиной, позволяя думать, будто король Франции может вести двойную игру. Он приказал снять осаду Монтобана. Шеврез вернулся в Париж, Ледигьер отправился в свой Дофине, а Люинь с Бассомпьером повели армию на север.

Люинь решил использовать еще один шанс и окружил небольшую крепостцу Монёр, лежавшую у него на пути. Дух его был надломлен, он был мрачен и много пил.

Бассомпьер не одобрял действий коннетабля, однако поймал себя на том, что, глядя на это обрюзгшее лицо с помутневшими глазами, испытывает к нему не гадливость или презрение, а некую жалость.

Люинь перевернул бутылку вверх дном, потряс, затем шумно отодвинул в сторону.

– Эй! – крикнул он заплетающимся языком. – Кто там! Еще вина!

Ему принесли бутылку бургундского.

– Выпьем, – сказал он серьезно и стал дрожащей рукой наполнять кубок.

– Я думаю, нам нужно не задерживаясь идти в Париж, – сказал ему Бассомпьер, который чувствовал себя до неприятности трезвым. – Не стоит сердить короля и давать повод для упреков королеве-матери. Она ведь только того и ждет.

Люинь посмотрел на него тяжелым взглядом.

– Я не боюсь ни этой женщины, ни ее интриг, – прорычал он, отодвинув от себя кубок и расплескав вино. – А сын ее так меня боится, что не посмеет и пальцем шевельнуть без моего ведома. Вот возьму Монёр, – Люинь грохнул кулаком по столу, – заключу мир и устрою все так, как мне хочется.

Бассомпьер перегнулся к нему через стол, сжал рукой его плечо, слегка встряхнув, заговорил тихо:

– Взгляните правде в глаза, король уже не мальчик. Однажды мы стояли с ним в Фонтенбло у окна и смотрели, как проезжает ваш кортеж из девяти карет. «Смотрите, Бассомпьер, вот въезжает король», – с усмешкой сказал он мне. «Сир, это всего лишь подданный, осыпанный вашими благодеяниями», – ответил я. «Нет, – говорит, – вы его не знаете, он думает, что это я ему обязан, и хочет быть королем. Но я этого не допущу, пока буду жив».

Выпалив все это на одном дыхании, Бассомпьер отпустил плечо Люиня. Герцог упал головой на стол и захрапел.

К декабрю королевскую армию начала косить «пурпурная лихорадка». Бассомпьер в очередной раз отправился к Люиню, чтобы категорически потребовать снять бессмысленную осаду и не губить людей. Люинь лежал на постели, глаза его лихорадочно блестели, лицо было красно от жара. Завидев Бассомпьера, он приподнялся на локте, но тут же с утробным звуком склонился над тазом, стоявшим на полу. Его долго и мучительно рвало. Бассомпьер понял, что болезнь добралась и сюда.

Пять дней Люинь пролежал, не вставая, глядя в потолок и отказываясь от еды. Восьмого декабря он велел привести к себе священника и исповедовался. Капеллан со страхом поднес ему Святые Дары, опасаясь, что они будут извергнуты неподобающим образом. Однако все обошлось. Коннетабль с трудом проглотил причастие (горло покраснело и распухло) и откинулся на подушки.

На другой день в лагерь прибыл король и сразу прошел к больному. Сердце его сжалось болью при виде клейма scarlatины на таком знакомом, но в то же время неузнаваемом лице. Люинь поднял руку и что-то прохрипел. Людовик склонился над ним.

– Сир... не оставьте... моего сына...

– Да-да, обещаю тебе.

Подошедший врач настойчиво попросил короля удалиться, опасаясь за его здоровье.

Агония продолжалась два дня. Умиравший был предоставлен самому себе: редко какой слуга заглядывал в его комнату, двери были настежь раскрыты или хлопали от сквозняков. Пятнадцатого декабря коннетабль испустил дух. Присутствовавший при этом король неотрывно смотрел на искажившееся судорогой лицо и невольно скопировал его гримасу. Врач засвидетельствовал смерть, слуги принялись обрядовать покойного, король вышел.

– Мне вправду больно, я любил его, потому что он любил меня, однако... ему чего-то недоставало, – грустно сказал он Бассомпьеру.

– Кто же теперь займет его место, сир? – в упор спросил Бассомпьер. Франсуа де Баррада, прибывший вместе с королем, стоял неподалеку, и при известии о смерти Люиня приятели уже начали похлопывать его по плечу.

– Я люблю всех, кто мне служит, и не намерен возносить одних в ущерб другим! – отрезал Людовик, вскочил на коня и куда-то умчался. В тот же день Баррада было приказано отправляться в его поместье. Его надежды на власть лопнули, точно мыльный пузырь.

А гроб с телом коннетабля повезли хоронить в герцогство Люинь. На почтовых станциях слуги, сопровождавшие гроб, играли на нем в кости, чтобы убить время. По дороге, в Туре, состоялось отпевание. В местном соборе собралась почти вся французская знать, чтобы наконец-то увидеть фаворита в гробу. Шушукались, переговаривались, поглядывая на молодую вдову. Она опять была беременна.

Часть вторая

Герцогиня де Шеврез

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.